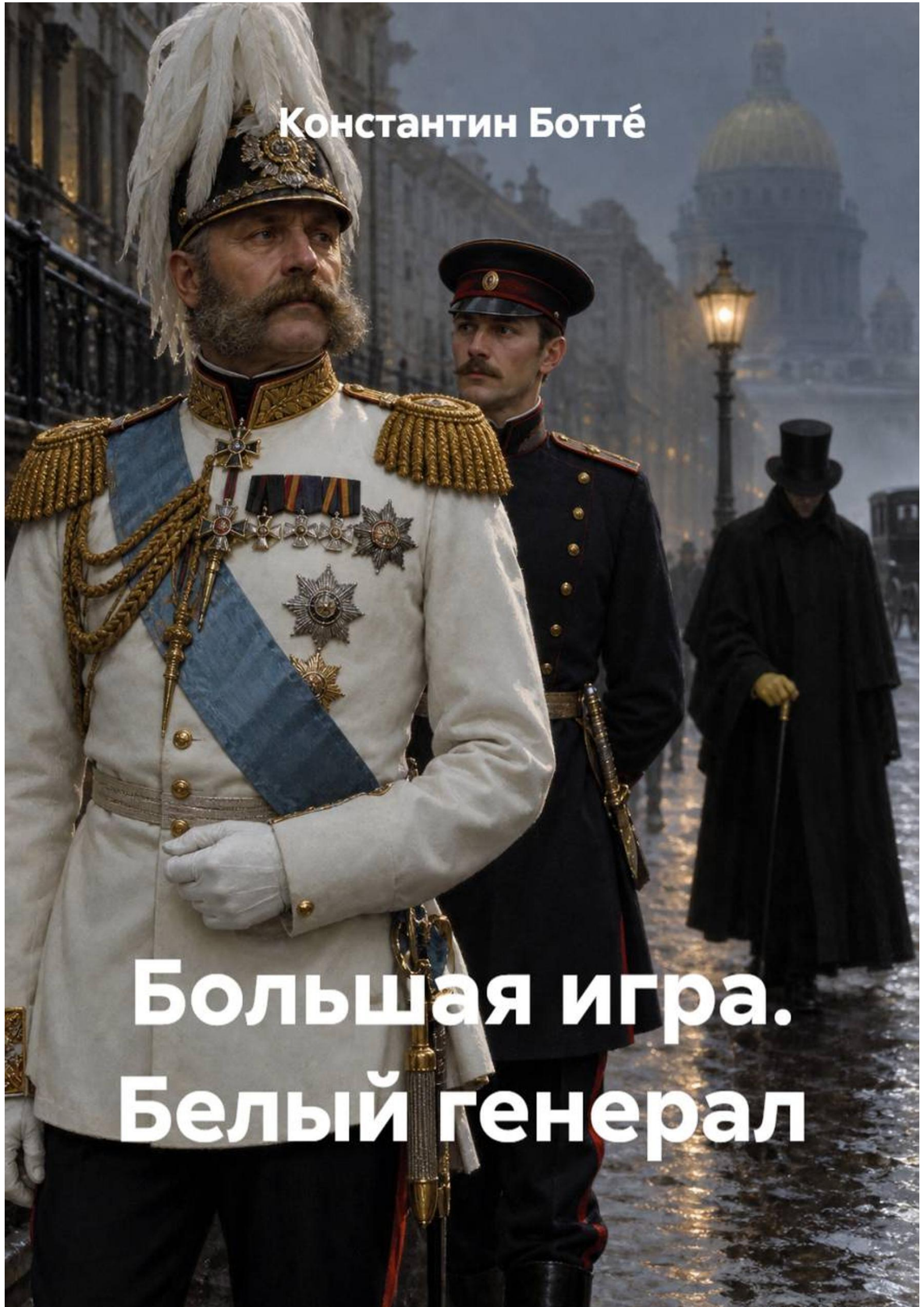

Константин Боттэ

**Большая игра.
Белый генерал**

Константин Боттё

Большая игра. Белый генерал

«Автор»

2026

Боттё К.

Большая игра. Белый генерал / К. Боттё — «Автор», 2026

Это первая книга из тетралогии о противостоянии лондонской имперской машины и русской военной контрразведки. Она рассказывает историю о «Белом генерале» Михаиле Дмитриевиче Скобелеве в последние полгода его жизни. 1881 год. После взятия неприступной крепости Геок-Тепе капитан контрразведки Родион Воронецкий находит среди обгоревших бумаг английские инструкции по снабжению текинцев оружием. Так начинается смертельная игра, в которой на кону судьба империи. От пыльных крепостей Туркестана до сверкающих бульваров Парижа, от туманной Москвы до парадных кабинетов Санкт-Петербурга капитан Воронецкий ведёт свою тайную войну. Он знает, что Уайтхолл всегда на шаг впереди, а предатель сидит в министерском кресле. Необходимо остановить британского «Призрака» и спасти генерала, которого предали свои. Большая игра только начинается.

© Боттё К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	35

Константин Боттё

Большая игра. Белый генерал

Глава 1

Январь 1881 года. Ахалтекинский оазис, крепость Геок-Тепе.

В 11 часов 20 минут утра мир перестал существовать. Вместо него остался только грохот. Он был такой плотный, что у капитана Родиона Воронцовского из ушей потекла кровь.

Три недели саперы вгрызались в окаменевшую туркменскую глину, делая подкоп под восточную стену цитадели Денгиль-Тепе. И теперь полторы сотни пудов пороха сработали разом. Земля под ногами вздыбилась, словно живой, разъяренный зверь. Сорок саженей вековой, высушенной солнцем глины вместе с пушками, зубцами и людьми, которые составляли крепостной вал, медленно, как в кошмарном сне, поднялись в небо, расцвели багрово-черным пламенем и рухнули обратно, превратившись в гигантский, удушливый столб лёссовой пыли.

– А-а-а-а-а! – этот крик не принадлежал человеку, это был сам Ширванский полк, тысяча плотов, ослепших и оглохших от взрыва.

– Вперед! В брешь! Матушку вашу... Вперед! – сиплый, сорванный крик полковника Куропаткина утонул в общем реве.

Воронцовский упал на четвереньки, хватая ртом воздух, который превратился в жидкую грязь из пороховой гари и извести. В горле драло так, словно туда плеснули кислоты. Он сильно потрянул головой, размазывая по лицу пот пополам с серой пылью, и бешено рванул из кобуры тяжелый «Смит-Вессон». Пальцы скользили по рукояти. Ладони были мокрыми от пота и чужой крови, прилетевшей откуда-то сверху вместе с комьями земли.

Из траншей, шатаясь, спотыкаясь о трупы своих и чужих, лавиной повалила русская пехота. Серая масса шинелей со штыками наперевес ринулась прямо в клубящийся, колыхающийся ад пролома.

Навстречу им из оседавшей пыли, прямо по дымящимся обломкам, катилась лавина текинцев. Чёрные бараньи папахи, безумные, налитые кровью глаза, оскаленные зубы и кривые, хищно поблескивающие клычи. Они не защищались, а шли умирать и забирать с собой как можно больше врагов.

Две волны столкнулись со страшным, хрустящим звуком. Это не был цивилизованный бой. Это была бойня. В первые же секунды пороховой дым смешался с запахом распоротых животов, конского пота и парного человеческого мяса. Воздух заполнился диким, утробным воем, лязгом штыков о сабли и тупыми, костедробильными ударами прикладов в лица. Смерть здесь собирала жатву ежесекундно. Воронцовский видел, как ширванцу наискось срезало полчерепа ударом тяжёлой текинской шашки, а в следующую секунду этот же текинец рухнул, пригвождённый к земле тремя штыками.

Воронцовский не бежал в общей массе. Пока пехота перемалывала завалы, Родион с пятью казаками, прижимаясь к полуразрушенным глинобитным стенам, прорывался вглубь к ставке Тырма-Сердара. Вокруг свистело, шелкало, выло. Пули рикошетили от камней, выбивая искры.

Они влетели во внутренний дворик, мимо пылающей кибитки, от которой несло горелым войлоком и жареной кониной. Из окон обширной, куполообразной сакли по ним выстрелили из большого количества ружей. Но это были не хаотичные выстрелы старых фитильных ружей. Звук был сухим, частым и хлестким.

«Мартини-Генри!» – обожгло мозг Воронцовского. Английские винтовки. Слишком кучно.

Один из казаков, шедших рядом с Родионом, коротко вскрикнул и рухнул навзничь, хватаясь за шею, из которой между пальцами толчками забила темная кровь.

– Назад! К стене! – рявкнул Воронежский.

Он высунулся на долю секунды, поймал в прицел черную папаху в окне и дважды нажал на спуск. Тяжёлый «Смит-Вессон» оглушительно выстрелил, сильно толкнув руку в плечо. Из окна вывалился человек, выронив воронёную винтовку.

– Костров! Сухов! Забрасывай гранатами! – крикнул капитан, вытирая рукавом кровь со щеки, которую зацепило осколком кирпича.

Казаки рванули из сумок тяжёлые чугунные шары, чиркнули спичками по тёркам. Две гранаты с шипением влетели в окна сакли. Два коротких, глухих взрыва внутри здания выбили наружу тугие струи дыма вместе с криками раненых.

Воронецкий не стал ждать. Он с разбегу выбил плечом полуобгоревшую деревянную дверь и ворвался внутрь. Помещение было забито удушливой гарью, на полу в лужах крови корчились двое стрелков. Но взгляд Родиона намертво приковал старик-текинец в богатом, расшитом золотом халате. Он сидел на коленях у опрокинутого кованого сундука и лихорадочно, трясущимися руками запихивал бумажные свитки в медную жаровню, где уже полыхал огонь.

– Назад, падла! – Воронежский сделал три огромных прыжка, буквально снося старика с ног тяжёлым армейским сапогом.

Текинец хрипнул, отлетая к стене, но успел выхватить из-за пояса длинный кинжал-каму. Родиону было плевать на нож. Он упал на колени перед жаровней, суя руки прямо в ревущее пламя. Боль обожгла пальцы мгновенно, до костей, пахло палёной кожей, но капитан, матерясь сквозь зубы от дикой судороги, выхватывал, вырывал из огня плотные, обугленные по краям листы дорогой импортной бумаги.

Текинец рванулся вперед, занося кинжал над спиной Воронежского, но подоспевший унтер-казак с глухим хрустом опустил приклад карабина прямо на череп старика. Тот обмяк, ткнувшись лицом в ковёр.

Воронецкий сидел на полу, тяжело, со свистом дыша и сбивая пламя со спасенных документов обгоревшими, покрытыми волдырями пальцами. Его трясло от адреналинового отката. Он посмотрел на верхний, уцелевший наполовину бланк. Текст был набран безупречным английским шрифтом. А в углу красовался чёткий оттиск: *«Британская миссия в Мешхеде»*.

Ниже, сквозь копоть, читались цифры: «5000 винтовок... 20 000 золотых соверенов...». И размашистая, сделанная черными чернилами подпись: *«Кортленд»*.

– Капитан! – этот голос, казалось, мог заглушить даже взрыв пороховой мины.

В дверном проеме, затянувшемся пороховым туманом, выросла фигура, которую в русской армии знали все. Чтобы войти в низкую саклю, ему пришлось нагнуть голову, но даже это движение выглядело величественно.

Михаил Дмитриевич Скобелев. «Белый генерал».

Его ослепительный мундир, вопреки всякой логике боя, казался вызывающе чистым среди этого царства грязи и копоты. Лишь на левом плече темнело пятно от свежей глины. На золотых эполетах играли редкие лучи солнца, пробивавшиеся сквозь отверстие в потолке, а грудь была густо усыпана крестами. В руке он сжимал обнаженную шпагу, с которой стекали густые красные капли. Светлые, почти прозрачные серо-голубые глаза генерала горели тем страшным, лихорадочным блеском, который появлялся у него только в минуты триумфа.

– Воронежский! – рявкнул Скобелев, и от его зычного баса в ушах Родиона, еще не отошедших от взрыва, снова заныло. – Живой? Что у вас здесь? Что за птицу вы тут подстрелили?

Воронецкий, преодолевая тупую, пульсирующую боль в обожжённых ладонях, поднялся на ноги. Его шатало. На бледном лице, испачканном сажей, зловеще выделялась свежая полоса крови из рассеченной щеки. Он вытянулся, едва удерживая пальцами обгоревшие листы.

– Ваше Превосходительство... Крепость взята? – хриплым, сорванным голосом спросил капитан.

– Бегут, капитан! Бегут текинцы! Кавалерия Куропаткина гонит их в пустыню, как скот! – Скобелев резко взмахнул шпагой, оставив в воздухе едва заметный кровавый след, и тут же убрал её в ножны. Его взгляд намертво приковался к бумагам в руках Воронежского. – Что это у вас? Снова английские фокусы?

– Больше, чем фокусы, Михаил Дмитриевич, – тихо, но отчетливо произнес Воронежский, протягивая генералу пачку хрустящих, обугленных документов. – Взгляните сами. Это инструкции из Мешхеда. Англичане не просто снабжали черкесов и текинцев оружием. Они сидели здесь. Они высчитывали углы обстрела наших батарей. Они платили за каждую русскую голову. Лондон ведёт с нами войну, Михаил Дмитриевич. Настоящую войну, просто чужими руками.

Скобелев вырвал листы из рук капитана. Его пальцы в белых лайковых перчатках быстро перелистывали страницы. По мере того, как он вчитывался в английские строчки, его породистое лицо искажалось в гневной, почти хищной гримасе. Желваки на челюсти заходили ходунком.

– Мерзавцы... Лондонские лавочники! – Скобелев с силой ударил кулаком по ладони, так что белая кожа перчатки треснула на сгибе. – Опять прячутся за чужими спинами! Натравливают на нас степных волков, а сами выжидают в своих лондонских клубах!

Генерал резко развернулся и быстрыми шагами вышел из сакли. Воронежский, едва поспевая, последовал за ним.

Они вышли на залитый ослепительным среднеазиатским солнцем двор цитадели. Вокруг ещё слышались редкие выстрелы. Казаки и пехота прочёсывали дальние кибитки. Санитары спешно укладывали на телеги раненых, которые были от боли. А над главной, полуразрушенной башней Геок-Тепе с тяжелым, сухим шуршанием уже разворачивался огромный трёхцветный российский флаг.

Скобелев подошёл к самому краю полуразрушенного глинобитного бруствера. Он стоял, широко расставив ноги, и смотрел туда, где за бескрайним, дрожащим от зноя маревом пустыни, далеко на юге, вздымались серые хребты Памира. Там лежал Афганистан. А за ним находилась жемчужина британской короны, Индия.

– Наш государь Александр Николаевич убит в Петербурге бомбой нигилистов, – глухо, но так, чтобы слышал только Воронежский, произнёс Скобелев, не оборачиваясь. – На престол восходит его сын. Империя в растерянности, двор полон трусов и либералов. И в этот самый момент Лондон бьёт нас под дых здесь, в Азии. Пользуется нашей неопределённостью. Если мы остановимся сейчас, они задушат нас. Окружат кольцом и удавят.

Генерал резко обернулся. Его глаза сузились, превратившись в две ледяные щёлки. В них не было безумия, там был холодный, математический расчёт гения войны.

– Нам нужен не просто мир. Нам нужен упреждающий удар. Такой, чтобы у королевы Виктории чашка с чаем из рук выпала. Я лично составлю план. Мои казаки корпуса пройдут Памир. Мы покажем им, что наши кони могут пить воду из Инда. Пусть дрожат в своём Букингемском дворце.

– Михаил Дмитриевич, это же мировая война, – негромко, но твердо заметил Воронежский. Он осторожно коснулся обожжёнными пальцами рукоятки своего револьвера. – В Петербурге, в министерствах, половина чиновников умрёт от страха при одной мысли о походе на Индию. Дипломаты костыми лягут, чтобы этого не допустить.

– Значит, мы сделаем это втайне от дипломатов, – отрезал Скобелев, и его голос прозвучал как удар топора. – Вы, капитан, поможете мне. Мы составим детальную аналитическую записку для нового государя Александра Александровича. Мы зашифруем её вашим особым кодом и отправим напрямую в Гатчину, минуя МИД и штабных трусов, которые за английский кредит готовы продать половину империи. Пишите. Наша Большая игра только начинается. И на этот раз мы будем ходить первыми.

Скобелев развернулся и стремительным шагом направился к своему коню, которого ординарец уже держал под уздцы в центре двора. Воронежский остался стоять у стены. Он смотрел на обгоревшие английские бланки в своих израненных руках, и внутри у него росло тяжёлое предчувствие. Капитан слишком хорошо знал Петербург, чтобы понимать, что кабинетные крысы, о которых говорил Скобелев, защищают свои кресла гораздо яростнее, чем текинцы свою крепость.

Две недели спустя. Санкт-Петербург. Здание Министерства иностранных дел на Дворцовой площади.

В просторном кабинете, обшитом панелями из тёмного дуба, было тихо. Лишь потрескивали дрова в камине, да за окном выл февральский петербургский ветер, швыряя в стекла колючий снег.

Граф Валериан Николаевич Воронцов-Вельяминов, товарищ министра иностранных дел, сидел в глубоком кожаном кресле. В его тонких пальцах с безупречным маникюром была зажата дымящаяся сигара. Перед ним на столе лежал запечатанный сургучной печатью пакет с пометкой *«Лично. Секретно. Отрезано от копирования»*.

Воронцов аккуратно вскрыл пакет серебряным ножом для бумаги. Это была та самая копия «Индийского плана» Скобелева, которую генерал тайно отправил в Гатчину новому императору. Но у графа были свои люди в курьерской службе.

По мере того, как Воронцов читал записки капитана Воронежского, фиксировавшего идеи Скобелева о походе казачьих корпусов через Афганистан, его породистое, бледное лицо становилось еще бледнее. Лоб графа покрылся мелкой испариной, он поправил золотое пенсне.

– Сумасшедший... Проклятый степной выскочка, – прошептал Воронцов, швыряя листы на стол. – Он погубит Россию. Он втянет нас в войну с сильнейшим флотом мира. Всё, над чем мы работали, все наши европейские союзы, финансовые кредиты, это всё пойдет прахом из-за амбиций одного солдафона, возмнившего себя Бонапартом!

Граф поднялся, нервно прошёлся по мягкому ковру кабинета и остановился у секретера. Он нажал на скрытую пружину, и из потайного ящика выдвинулась небольшая деревянная шкатулка. Внутри лежал блокнот с особым цифровым книжным шифром. Этот код связывал Воронцова напрямую с особняком на Английской набережной, где располагалось посольство Великобритании.

Воронцов обмакнул перо в чернильницу. Рука его слегка дрожала, но взгляд был холодным и решительным. Он искренне верил, что совершает благо во имя спасения Отечества.

«Срочно. Оливье. Выродок из Геок-Тепе подготовил детальный план вторжения в Афганистан и Индию. Царь колеблется, но Скобелев имеет на него огромное влияние. Скобелев отправляется в Париж, чтобы искать поддержки у французов. Если он добьется успеха, катастрофа неизбежна. Этот человек должен исчезнуть. Любой ценой. График его поездки и шифры охраны прилагаю».

Воронцов запечатал записку в плотный конверт и дёрнул шнурок колокольчика, вызывая своего доверенного слугу. Приговор «Белому генералу» был подписан его собственным соотечественником.

Февраль 1881 года. Лондон, Уайтхолл. Здание Секретной службы Короны.

Лондон тонул в своем классическом, маслянистом тумане, который англичане уважительно именовали «гороховым супом». Тяжёлая мгла пахла каменным углём, речной сыростью Темзы и конским навозом. В кабинете главы Секретной службы на Уайтхолле, однако, пахло исключительно дорогим табаком и сургучом.

Уильям Кортленд сидел в глубоком кожаном кресле, лениво наблюдая за тем, как за окном, в сером мареве, едва угадывались контуры проезжающих кэбов. На нем был безупречный шерстяной костюм тройка, а на коленях покоилась трость из чёрного дерева с серебряным набалдашником в виде головы волка. Кортленд обладал редким даром умения сидеть абсолютно неподвижно часами, напоминая затаившуюся гончую.

Начальник службы, сэр Мэнсфилд, грузный мужчина с седыми бакенбардами и тяжелым, бычьим взглядом, швырял на стол одну папку за другой. Наконец, он вытащил небольшой лист плотной бумаги, исписанный мелким почерком.

– Из Петербурга пришли дурные новости, Уильям. Наш «друг» в российском Министерстве иностранных дел, совершил перехват чрезвычайной важности, – сэр Мэнсфилд затушил сигару в массивной бронзовой пепельнице. – Русский выскочка Скобелев, этот мясник из Геок-Тепе, подготовил для своего нового царя документ. Аналитическую записку.

Кортленд слегка повернул голову, его серые, холодные глаза сузились.

– Поход на Памир?

– Хуже. Поход на Индию, – жёстко отрезал начальник. – Детальный план. С картами, расчётом провианта для казачьих корпусов и точками форсирования Инда. Скобелев утверждает, что Россия готова ударить нас в самое сердце. И, что самое скверное, новый русский царь, который терпеть не может Англию, воспринимает эти бредни всерьёз.

Сэр Мэнсфилд пододвинул к Кортленду пухлую папку из жёлтого картона. На ней стоял гриф: *«Совершенно секретно. Ликвидация»*.

– Вы отправляетесь в Европу, Уильям. Скобелев получил отпуск и уезжает в Париж. Официально лечить нервы после азиатской кампании и развлекаться. Неофициально, он будет искать контакты с французским Генеральным штабом. Если этот фанатик заключит военный союз с французами, нам придётся воевать на два фронта.

Кортленд протянул руку в тонкой лайковой перчатке и открыл папку. С первой страницы на него смотрел дерзкий, уверенный взгляд человека в ослепительно белом мундире. Светлые бакенбарды, Георгиевский крест на шее. Михаил Скобелев.

– Он гений тактики, сэр. Солдаты боготворят его. В России его называют «Белым генералом», – негромко произнес Кортленд, перелистывая страницы досье. – Убрать такую фигуру в Париже приведёт к международному скандалу. Французская полиция перевернёт весь город.

– Именно поэтому действовать нужно тоньше, – сэр Мэнсфилд постучал толстым пальцем по столу. – Никаких пуль, Уильям. Никаких ножей в подворотнях Монмартра. Его смерть должна выглядеть как трагическое следствие его же пороков. Изучите вторую часть досье. Наш источник в Петербурге оказался весьма любезен и предоставил нам полную карту уязвимостей этого «бога войны».

Кортленд углубился в чтение. Строчки, написанные аккуратным почерком аналитиков, раскрывали Скобелева с совершенно иной, тёмной стороны.

«Объект подвержен тяжелым приступам меланхолии. После затяжных боев испытывает панический страх одиночества и бессонницу. В периоды спада ищет утешения в алкоголе и случайных связях. Имеет выраженную слабость к женщинам определенного типа: европейская внешность, покладистый характер, готовность слушать».

На следующей странице была подколота небольшая дагеротипная фотография. Снимок молодой, очень красивой блондинки с фарфоровой кожей и испуганным взглядом голубых

глаз. Подпись гласила: *«Шарлотта Альтенроз. Известная московская куртизанка немецкого происхождения. В светских кругах Москвы использует имя Элеонора»*.

– Наш петербургский источник уже скупил все векселя и долги этой девицы в Баварии, – вкрадчиво произнес сэр Мэнсфилд. – Шарлотта Альтенроз принадлежит нам со всеми потрохами. Сейчас она находится в Москве, но как только Скобелев вернется из Парижа, она станет его главной тенью. Она сделает всё, что вы ей прикажете, Уильям. Потому что альтернативой для неё является долговая тюрьма или публичный позор.

Кортленд закрыл папку и плавно поднялся с кресла. Его трость сухо стукнула о паркет. На бледных губах британского ликвидатора появилась едва заметная, леденящая улыбка.

– План понятен, сэр. Я начну с Парижа. Попробую устроить генералу «несчастный случай» на французских бульварах. Сюртэ спишет это на хаос столичного движения. Если «Белый генерал» окажется слишком везучим, тогда мы встретимся в России. Под нежным надзором фройляйн Шарлотты.

– Помните, Уильям, – сэр Мэнсфилд посмотрел на него со всей серьёзностью, на которую был способен. – Скобелев не должен дожить до конца этого года. Британская корона не может позволить себе потерять Индию из-за одного сумасшедшего русского. Действуйте.

Кортленд коротко кивнул, прижал папку к боку и вышел из кабинета. Через несколько минут его высокая, худощавая фигура в сером котелке растворилась в густом, удушливом лондонском тумане, взяв курс на Дувр, а оттуда на Париж. Большая игра вышла на новый, смертоносный уровень.

Февраль 1881 года. Асхабад. Временная штаб-квартира русских войск.

Азиатская зима уходила неохотно. По ночам ледяной ветер, дувший со стороны Каспия, заставлял часовых кутаться в тяжёлые овчинные тулупы, а днём солнце раскаляло плоскую, как стол, глиняную равнину Асхабада. Вокруг штабного городка стоял непрерывный гул: ржали лошади казачьих сотен, скрипели немазанные колёса обозных телег, и глухо ухали орудия, которые артиллеристы чистили после затяжной кампании.

Капитан Воронежский стоял у невысокого окна глинобитного флигеля, служившего контрразведывательному отделению временной канцелярией. На столе перед ним лежала рассыпанная махорка, стояла остывшая кружка чая и жестяная банка с густой мазью от ожогов на пальцах, полученных в Геок-Тепе, которые затягивались медленно и нестерпимо зудели. В руке он привычно крутил серебряные отцовские часы, вслушиваясь в их сухое, мерное тиканье.

Дверь резко скрипнула. В комнату вошел унтер-офицер Сухов, тот самый казак, что прикрывал Воронежского при штурме сакли. Его лицо было бледным, несмотря на азиатский загар.

– Ваше благородие, – тихо, оглянувшись на дверь, произнес Сухов. – Нашли. В дальнем караван-сараяе, за конюшнями.

Воронецкий замер, часы в его пальцах остановились.

– Живой?

– Куда там, – унтер сплюнул на земляной пол. – Чисто сработано. Один удар, от уха до уха. Горло перерезано так, что едва голова держится. В округе никто и шороха не услышал.

Двадцать минут спустя Воронежский уже стоял в полутёмном, воняющем навозом и прелой соломой углу заброшенной конюшни караван-сарая. На куче грязного войлока лежало тело. Это был Мирза-хан – молодой перс, которого штаб Скобелева нанял три месяца назад в качестве переводчика и писца. Именно через его руки проходили копии некоторых приказов по Ахалтекинскому отряду.

Родион опустил на одно колено, стараясь не пачкать штанин в навозной жиже. Лицо мертвеца застыло в гримасе дикого, животного ужаса. Глаза были широко раскрыты. Воронеж-

кий аккуратно, кончиком ножа, раздвинул края разреза на шее. Рана была глубокой, ровной, без рваных краев. Столь ювелирную работу не мог сделать текинец своим тяжелым клычём. Тут действовали иным лезвием – тонким, как бритва.

Капитан запустил руку в карманы халата покойного. Пусто. Ни единой медной монеты, ни записки. Но когда Воронежский перевернул тело, из широкого рукава на солому выпал крошечный, смятый клочок тонкой папиросной бумаги.

Родион осторожно развернул его. На бумаге не было текста. Там был набросан беглый, но удивительно точный план расположения комнат в доме, где жил Скобелев. А внизу, под чертежом, красовалась выведенная карандашом английская буква «С».

«Сбор информации, – понял Воронежский, почувствовав, как вдоль хребта пробежал холодок. – Перс шпионил за штабом. Но как только крепость пала, хозяева зачистили концы. Избавились от свидетеля».

Час спустя. Личный кабинет генерала Скобелева.

В комнате царил хаос сборов. На полу стояли открытые кожаные чемоданы, куда ординарец лихорадочно укладывал парадные мундиры, карты, книги и коробки с сигарами. Сам Скобелев, в накинутом на одно плечо светлом чекмене, расхаживал из угла в угол, на ходу диктуя адъютанту текст прощального приказа по войскам.

– Михаил Дмитриевич, мне нужно два слова. Наедине, – жёстко произнес Воронежский, появляясь на пороге.

Генерал хмуро посмотрел на капитана, заметил выражение его лица и махнул рукой адъютанту и ординарцу:

– Вон все. На пять минут.

Когда дверь за подчиненными захлопнулась, Воронежский молча подошёл к столу и выложил перед Скобелевым окровавленный клочок бумаги с планом его дома.

– Мирза-хан, наш переводчик. Только что найден в конюшнях с перерезанным горлом, – без предисловий сказал Воронежский. – Он работал на британцев, Михаил Дмитриевич. Составлял карту ваших покоев. Его убрали профессионально. Их агентура работает прямо у нас под носом, в Асхабаде. Они пасут каждый ваш шаг.

Скобелев даже не взглянул на план. Он подошел к окну, заложив руки за спину.

– Я знаю, капитан, – глухо произнес генерал. – Думаете, я слеп? Вчера мне доложили, что из Мешхеда в сторону Персидского залива ушёл курьер. Англичане знают, что мы взяли Геок-Тепе. Они знают, что их документы у нас. Они в ярости. Позавчера государь подписал мой рапорт об отпуске. Я уезжаю в Европу. Через неделю я буду в Париже.

– Михаил Дмитриевич, это безумие! – Воронежский сделал шаг вперёд, его голос сорвался на шёпот. – В Париже вы будете идеальной мишенью. На кавказских линиях или здесь, в пустыне, я могу окружить вас кольцом из сотни казаков. А там? Среди французских бульваров, выставок и театров? Если они решились убить своего же лазутчика здесь, они не побоятся поднять руку на вас в Европе. Наш «Индийский план» – это их смертный приговор.

Скобелев резко повернулся. На его лице не было страха, только упрямая, фанатичная гордость.

– Вы предлагаете мне спрятаться, капитан? Запереться в Гатчине под юбкой у фрейлин? – генерал горько усмехнулся. – Нет. В Париже у меня встречи. Важные встречи. Я должен убедить французов, что Англия наш общий враг. Я поеду. И поеду открыто.

Воронецкий молчал несколько секунд, глядя в серые, прозрачные глаза своего командира. Он понимал, что спорить с «Белым генералом» бесполезно. Тот скорее пойдет на пушки, чем отступит.

– В таком случае, Михаил Дмитриевич, я еду с вами, – тихо, но со стальной интонацией произнес Воронежский. – Не как офицер вашего штаба. Официально я остаюсь в распоряжении Туркестанского жандармского управления. Но неофициально... я буду вашей тенью в Париже. Я сниму мундир, надену штатский фрак и буду проверять каждый угол, каждую карету и каждого журналиста, который попытается подойти к вам на расстояние выстрела.

Скобелев внимательно посмотрел на капитана, оценивая его обожжённые пальцы и жёсткий, решительный взгляд дворянина, для которого слово «честь» ещё что-то значило. Генерал медленно подошёл и тяжело опустил руку на плечо Воронежского.

– Спасибо, капитан. Я знаю, что на тебя можно положиться. Но помни, что в Европе мы будем играть на чужом поле. Там у них законы, полиция, дипломатия...

– Там у них Кортленд, Михаил Дмитриевич, – перебил его Воронежский, пряча серебряные часы в карман сюртука. – Человек, который подписал те обгоревшие бланки. И я чувствую, что он уже ждёт нас на перроне в Париже. Собирайте чемоданы, генерал. Наша прогулка по бульварам будет жаркой.

Глава 2

Февраль 1882 года. Париж. Вокзал Гар де л'Эст.

Париж встретил их пронзительным, сырым холодом и оглушительным, яростным рёвом человеческого моря.

Огромный мазутный локомотив, тяжело отдуваясь встречными струями серого пара, замер у перрона под ажурными сводами стеклянной крыши вокзала. Не успели проводники откинуть подножки вагонов первого класса, как перрон захлестнула бурлящая толпа. Французские газетчики, размахивая блокнотами, лезли прямо под колеса, кричали наперебой извозчики, а сотни нарядных парижан скандировали в едином порыве:

– Виват, Скобелефф! Виват, ле Женераль Блан!

Капитан Воронецкий вышел из вагона на полминуты раньше генерала. На нём больше не было привычного офицерского мундира. Вместо него – безупречно сшитое в Петербурге дорожное пальто из плотного сукна, мягкая фетровая шляпа, глубоко надвинутая на глаза, и элегантная трость, внутри которой скрывался тяжёлый стальной гранёный штырь.

Воронецкий не смотрел на восторженную толпу. Его взгляд, холодный и сканирующий, скользил по лицам. Он вылавливал из людской массы слишком неподвижные фигуры, фиксировал руки, спрятанные в карманах пальто, и оценивал балконы второго яруса вокзала, где могли быть идеальные точки для стрелка. Ожоги на ладонях, полученные в Азии, превратились в бледные жёсткие шрамы, которые сейчас неприятно заныли от парижской сырости. Родион сунул руки в карманы, нащупав под сукном знакомую рукоять «Смит-Вессона». В Европе это оружие было вне закона, но капитан плевать хотел на законы Третьей республики.

– А вот и он! – взвыла толпа у багажных телег.

На подножку вагона ступил Михаил Дмитриевич Скобелев. Несмотря на частный характер визита и дорожную усталость, он выглядел так, словно принимал парад. Вместо военного мундира на нём было роскошное светлое пальто с меховым воротником, из-под которого виднелся безупречный галстук-аскот, а светлые бакенбарды были идеально уложены. Генерал ослепительно улыбнулся, приветственно поднял руку в неизменной белой перчатке, и вокзал буквально взорвался аплодисментами. К нему тут же протиснулся князь Орлов, российский посланник в Париже, окружённый кольцом жандармских филеров в котелках.

– Михаил Дмитриевич! С прибытием! – Орлов перекрикивал гул толпы, пожимая генералу руку. – Париж сошёл с ума. Вас ждут в каждом салоне Сен-Жерменского предместья! Карета подана к главному выходу.

Скобелев, окруженный плотным кольцом французских репортеров и официальных лиц, медленно двинулся сквозь живой коридор.

Воронецкий шёл параллельно, в трёх шагах слева, слегка оттирая плечом слишком ретивых обожателей. Он чувствовал, как у него между лопатками начинает зудеть от удушливой, невидимой опасности. Париж казался ему огромной, сияющей сотнями газовых рожков паутиной.

Они вышли на привокзальную площадь, залитую грязной водой после утреннего дождя. Чёрный лакированный экипаж с гербами российского посольства уже ждал у входа. Четвёрка вороных коней нетерпеливо била копытами по мокрой брусчатке.

Воронецкий остановился у подножки кареты, осматривая противоположную сторону улицы. Там, у входа в дешёвое вокзальное бистро, стоял высокий, худощавый мужчина. На нём было длинное английское пальто, а на голове серый котелок, низко надвинутый на лоб, так что лица было не разглядеть. На руках мужчины были приметные жёлтые кожаные перчатки. Он не

кричал «виват» и не пытался протиснуться к генералу. В зубах он лениво держал дымящуюся сигару, а в руке сжимал трость с серебряным набалдашником.

Когда Скобелев уже садился в карету, человек в жёлтых перчатках медленно поднял голову. Лучи газового фонаря на секунду выхватили его лицо с тонкими, аристократическими чертами, ледяным, оценивающим взглядом серых глаз и едва заметной, едва уловимой усмешкой на тонких губах.

Человек встретился взглядом с Воронежским. Он не отвёл глаз. Вместо этого он приподнял руку в жёлтой перчатке, сделал лёгкий, почти издевательский жест, словно приветствовал старого знакомого, и медленно повернулся, растворяясь в сыром парижском тумане, уходящем в сторону бульвара Мадлен.

«Кортленд... – внутри у Воронежского всё заledenело, а пальцы в кармане сжали револьвер. – Это он. Призрак из Уайтхолла. Он не просто ждал нас. Он пришел заявить, что охота началась».

Когда лакированный экипаж посольства с гербами Российской империи скрылся за поворотом увозя Скобелева, капитан Воронежский не поехал следом. Он проводил карету взглядом, поправил фетровую шляпу и повернулся спиной к сияющему центру Парижа. Его путь лежал на север, к холму Монмартр, где заканчивался блеск витрин и начиналась территория криминального мира Монмартра, парижских уличных хищников.

Воронецкий слишком хорошо знал, что официальная полиция Сюртэ будет лишь путаться под ногами, а французские филеры князя Орлова слишком приметны. Чтобы поймать британского «Призрака», Воронежскому нужны были глаза и уши парижского дна. Люди, которые знают каждый проходной двор, каждую «воровскую малину» и каждого извозчика.

Час спустя Родион уже сидел в глубине кабака «У сухого дерева» на окраине Монмартра. Место воняло дешёвым кислым вином, махоркой и сыростью. За липким деревянным столом напротив русского капитана сидел вожак местной банды. Это был молодой парень по кличке Анри-Нож. На нём была характерная для родёров полосатая трикотажная рубаша, красный шейный платок и стоптанные штиблеты с острыми носами. Его глаза, хитрые и злые, не сводили взгляда с пальцев Воронежского.

Капитан выложил на стол пять тяжёлых золотых французских луидоров. Золото глухо звякнуло, приковав к себе взгляды сидевших за соседними столами бандитов.

– Мне нужны две вещи, Анри, – тихо, на безупречном аргоне французских низов произнес Воронежский. – Первое: закрытый фиакр с надежным кучером, который будет дежурить по первому сигналу и не задаст вопросов, если внутрь придется бросить бесчувственное тело. Второе: ваши парни должны следить за всеми английскими туристами в районе Гранд-Отеля. Особо за теми, кто носит жёлтые кожаные перчатки и трости с серебряными набалдашниками.

Анри-Нож потянулся к золоту, но Воронежский накрыл монеты ладонью. На его правой руке, лишенной перчатки, зловеще блеснула глянцева кожа старых азиатских ожогов. Вожак родёров замер, оценив и эти шрамы, и холодный, мёртвый взгляд русского офицера. Он понял, что перед ним не богатый иностранный простофиля, а опасный хищник.

– Пять луидоров сейчас, – Воронежский убрал ладонь. – И еще десять, когда твои люди выполнят работу. Если хоть одно слово уйдет полиции или англичанам, я вернусь, Анри. И поверь, в Туркестане я научился выпускать кишки гораздо быстрее, чем это делают на Монмартре.

Анри-Нож криво усмехнулся, ловко сгребая золото в карман.

– Карета будет ждать вас завтра у бульвара Капуцинок, мосье. Мои парни станут вашими тенями. Французское золото творит чудеса, а русская ярость мне по душе.

Воронецкий коротко кивнул, поднялся и вышел в парижскую ночь. Теперь у него была своя карманная армия в трущобах.

Февраль 1882 года. Париж. Зал торжеств в отеле «Континенталь».

Хрустальные люстры отеля «Континенталь» заливали огромный зал ослепительным, дрожащим светом сотен свечей. В воздухе стоял густой, дурманящий шлейф из ароматов дорогих духов, лилейной пудры, жареной дичи и табачного дыма от гаванских сигар. За длинными столами, ломившимися от фарфора и серебра, сидел цвет парижского общества: французские генералы в расшитых золотом мундирах, сербские и черногорские дипломаты, депутаты Национального собрания и блестящие светские дамы.

В центре банкета, по правую руку от председателя, сидел Михаил Дмитриевич Скобелев. Он уже выпил несколько бокалов шампанского «Вдова Клико». Его щеки горели лихорадочным румянцем, а серо-голубые глаза лихо и задорно поблескивали.

Капитан Воронежский стоял у массивной мраморной колонны в глубине зала. На нём был строгий чёрный фрак, белый жилет и безупречно завязанный галстук. Эта позволяло ему выглядеть как одному из многочисленных благородных гостей. Однако в отличие от остальных, Воронежский не притрагивался к вину. Его правая рука, затянута в тонкую шелковую перчатку, скрывавшую шрамы, покоилась на борту фрака, под которым в специальном потайном кармане висел тяжелый «Смит-Вессон».

Воронецкий медленно сканировал лица официантов, разносивших подносы, и заезжих корреспондентов, толпившихся у входа с блокнотами. Контрразведывательное чутьё, обострённое до предела после провокальной встречи, кричало ему, что Кортленд здесь, он близко.

Вдруг гул голосов за столом стих. Скобелев поднялся со своего места, держа в руке наполненный бокал. Его высокая, статная фигура мгновенно приковала к себе взгляды всего зала.

– Господа! – голос Белого генерала прозвучал раскатисто, легко перекрывая шелест шёлковых платьев и звон хрусталя. – Я пью за великую Францию и за наше братство! Но мы не должны обманывать себя блеском этих люстр. Европа стоит на пороге колоссальной катастрофы. Имя этой катастрофы – германский штык и британский фунт.

По залу пронёсся вздох изумления. Русский посланник князь Орлов, сидевший чуть поодаль, побледнел и судорожно схватился за салфетку. Воронежский внутренне сжался. Скобелев переходил черту.

– Да, господа! – Скобелев повысил голос, его рука в неизменной белой перчатке яростно рубанула воздух. – Нас пытаются убедить, что Россия должна сидеть смирно. Но я скажу вам правду. Главный поджигатель будущей войны сидит в Лондоне! Британский паразит опутал своими сетями Азию и теперь пытается диктовать условия нам. Они боятся нашей силы. Боятся, что русские штандарты появятся на Памире. Так пусть знают, что если Англия посмеет поднять руку на интересы России, наши казацкие корпуса напоят своих коней из вод Инда! Мы сокрушим их империю в её собственной жемчужине!

Зал на секунду замер в гробовой тишине, а затем буквально взорвался. Французские офицеры вскочили, гремя саблями и крича «Виват!». Это был не просто тост, это был манифест. Объявление геополитической войны.

Князь Орлов, едва сдерживая дрожь в голосе, подскочил к Скобелеву, пытаясь увести его из-за стола, но репортеры уже хлынули к генералу, как стая голодных волков.

Воронецкий быстрым шагом двинулся сквозь толпу, пробиваясь к командиру. В этот момент людской поток вынес прямо к Скобелеву высокого господина с блокнотом в руках.

Это был Уильям Кортленд. На нём был безупречный вечерний костюм, волосы гладко зачесаны назад, а на носу поблескивало изящное пенсне. Он выглядел как типичный высокомерный интеллектуал из британской прессы.

– Генерал Скобелев! – Кортленд заговорил по-французски с едва заметным, подчёркнуто изысканным английским акцентом. Его голос звучал тихо, но в нём слышалась леденящая

сталь. – Уильям Кортленд, корреспондент лондонской The Times. Ваша речь... восхитительна в своем безумии. Скажите, ваш император Александр III знает, что его лучший генерал публично угрожает Британской короне войной? Или вы говорите это от имени тех сил в России, которые грезят о военной диктатуре?

Скобелев резко обернулся к журналисту, его глаза опасно сузились.

– Мой государь, мистер Кортленд, знает цену британским интригам. А что касается диктатуры... солдат империи выполняет приказы, но своё мнение высказывает открыто! Передайте вашим лордам в Уайтхолле, что время их безнаказанности вышло.

– О, я обязательно передам им ваши слова, генерал, – Кортленд едва заметно, одними уголками губ, улыбнулся. – До единого слова. Боюсь только, что столь горячее сердце, как ваше, сгорает слишком быстро. Берегите здоровье. Парижский климат бывает очень изменчив... и смертельно опасен для лёгочных сосудов.

Кортленд сделал легкий, почти незаметный полупоклон и начал отступать в толпу.

Воронецкий рванулся наперерез, протягивая руку, чтобы схватить британца за плечо.

Но между ними мгновенно выросла стена из восторженных французских депутатов и репортеров, оттеснивших капитана назад. Когда через три секунды Воронежский пробился сквозь затор, Кортленда у входа уже не было. Он растворился в роскошных коридорах «Континенталья», оставив после себя лишь едва уловимый запах дорогого табака.

Воронецкий подошел к Скобелеву, который тяжело дышал, окруженный дипломатами.

– Михаил Дмитриевич, это был он, – тихо, на ухо генералу произнес Родион. – Кортленд. Он подошёл к вам в упор.

Скобелев медленно повернул голову к капитану. На его лбу выступили крупные капли пота, а рука, державшая пустой бокал, слегка дрожала.

– Я понял это, капитан. По его глазам понял. Он пришёл вынести мне приговор.

– Нам нужно уходить. Сейчас же, – Воронежский жёстко взял генерала под локоть. – Он проверил дистанцию. Следующий его шаг будет зловещим.

Февраль 1882 года. Париж. Бульвар Капуцинок. Вторая половина дня.

Париж тонул в сыром сером тумане, который наползал со стороны Сены и превращал роскошные фасады зданий в призрачные силуэты. Дождь еще не начался, но брусчатка бульвара Капуцинок уже блестела от влаги, как спина огромной рыбы. Навесы уличных кафе были опущены, а немногочисленные прохожие кутались в пальто, спеша укрыться от нарастающего холода.

Генерал Скобелев, категорически отказавшийся от кареты посольства, шёл размашистым, военным шагом. Светлое пальто генерала выделялось в сером мареве бульвара как мишень. Он был взвинчен после вчерашней речи, его пальцы в белой перчатке то и дело нервно постукивали по бедру.

Воронецкий следовал чуть правее в двух шагах позади. Воротник его дорожного пальто был поднят, фетровая шляпа надвинута на лоб. Ладонь в кармане сжимала рукоять «Смит-Вессона». Капитана не покидало удушающее, животное чувство опасности. Каждый чистильщик обуви, каждый разносчик газет казался ему затаившимся убийцей.

На перекрестке с улицей Мира движение было плотным. Тяжёлые груженные бочками телеги и лакированные фиакры грохотали колёсами, создавая непрерывный гул. Скобелев остановился у края тротуара, пропуская проехавшую карету с дамами.

Вдруг краем глаза Воронежский заметил движение на противоположной стороне. Из дверей дорогого часового магазина вышел высокий господин. На нем было длинное английское пальто, а на руках приметные жёлтые кожаные перчатки. Уильям Кортленд. Британский ликвидатор не смотрел на Скобелева. Его взгляд был направлен чуть выше по улице, где из-за

поворота, набирая скорость на наклонной мостовой, спускалась тяжёлая, гружёная бочками пивная повозка

Кортленд медленно поднял правую руку, в которой держал трость с серебряной головой волка, и сделал в воздухе короткий, резкий круговой жест. Сигнал.

В ту же секунду грузный кучер пивной повозки, низко надвинувший на глаза кепку, с силой рванул вожжи на себя и бешено стегнул четверку тяжёлых лошадей-першеронов кнутом. Кони испуганно взвились на дыбы и понесли. Многотонная махина, потеряв управление, на полной скорости вылетела с проезжей части прямо на брусчатый тротуар, где спиной к ней стоял Скобелев.

– Михаил Дмитриевич, берегись! – истошно, срывая голосовые связки, крикнул Воронецкий.

Времени на размышления не было. Кованные копыта первой лошади уже взмыли над головой генерала. Воронецкий совершил отчаянный, дикий прыжок вперед. Он всем телом навалился на Скобелева, увлекая его за собой.

Они покатались по мокрой, грязной брусчатке бульвара за долю секунды до того, как тяжёлое колесо ломовой телеги с пушечным треском раскололо чугунную тумбу. Повозка тут же накренилась и перевернулась, сминая железные столы уличного кафе. Огромные пивные бочки с грохотом посыпались на мостовую, давя всё на своём пути. Толпа взорвалась истошными криками и женским визгом.

Воронецкий вскочил на ноги первым. Ладонь была содрана в кровь о камни, в глазах темнело от выброса адреналина.

– Михаил Дмитриевич! Живой?!

Скобелев поднялся с мостовой, опираясь на обломок чугунной тумбы. Его дорогое светлое пальто было безнадежно испачкано парижской грязью, на лбу горела ссадина, но взгляд оставался трезвым и яростным.

— Живой, капитан! Ищи его!

Воронецкий резко повернул голову к часовому магазину. Кортленда там уже не было. Британский ликвидатор растворился в поднявшейся панике, словно призрак. Но на проезжей части, у перевернутой повозки, зашевелился кучер. Он с трудом выбрался из-под обломков козел, дико огляделся и, бросив вожжи, сломя голову бросился в тёмный зев узкого переулка, ведущего в сторону Сент-Антуанского предместья.

– Сухов, к генералу! Никого не подпускать! – рявкнул Воронецкий подбежавшему унтеру и, на ходу срывая с себя стесняющее движения пальто, бросился в погоню.

Парижские подворотни встретили его холодной сыростью и запахом гнили. Кучер бежал быстро, несмотря на свой вес. Он петлял между глухими стенами доходных домов, сбивая на ходу мусорные баки и пугая бродячих собак. Воронецкий видел его широкую спину в кожаном жилете в пятидесяти шагах впереди.

Грязь летела из-под подошв дорогих сапог капитана. Дыхание со свистом вырывалось из груди, обжигая лёгкие. Воронецкий понимал, что если этот человек уйдёт в лабиринты рабочих кварталов, найти его будет невозможно. Это их единственный свидетель.

Кучер свернул в глухой тупик между двумя высокими кирпичными складами. Поняв, что бежать дальше некуда, он резко развернулся, тяжело дыша, и выхватил из-за пояса длинный нож-бабочку.

– Назад, мосьё! Зарежу! – прохрипел француз, выставив лезвие вперед.

Воронецкий даже не замедлил шаг. На его лице не было ни тени сомнения. На бегу он перехватил свою трость за нижний конец. В два прыжка разорвав дистанцию, капитан сделал финт влево, уклоняясь от неумелого выпада ножом, и с размаху опустил тяжёлый серебряный набалдашник трости прямо на ключицу кучера.

Раздался сухой, мерзкий хруст ломающейся кости. Француз взвыл, выронив нож, и рухнул на колени. Воронецкий без малейшей жалости нанёс второй удар снизу вверх, в челюсть. Мужчина отлетел к кирпичной стене и обмяк, потеряв сознание.

Капитан тяжело дышал, вытирая рукавом фрака кровь, сочившуюся из содранной ладони. Он подошёл к поверженному кучеру, схватил его за ворот кожаного жилета и поволок к выходу из тупика, где в темноте уже показался силуэт нанятого Суховым закрытого извозчичьего фиакра.

Глава 3

Париж. Окраина Сент-Антуанского предместья. Ночь после покушения.

Сырой парижский туман превратился в бесконечный дождь. На грязных, узких улицах Сент-Антуана, бывших прибежищем воров и проституток, пахло гнилой капустой и дешёвым абсентом. Газовые фонари здесь не горели. Единственным источником света были тусклые окна ночных кабаков.

Воронецкий сидел на перевернутом деревянном ящике в полуподвальной, полузаброшенной малярной мастерской. На стенах висели ржавые пилы, а в воздухе стоял удушливый запах олифы и сырости. На полу, привязанный к тяжёлому дубовому стулу, обмяк грузный мужчина. Тот самый кучер, который несколько часов назад направил грузовую телегу прямо на генерала Скобелева на бульваре Капуцинок.

Воронецкий настиг его в трех кварталах от места покушения. Русский контрразведчик действовал как зверь, сбив беглеца с ног, сломав тому ключицу ударом тяжелого набалдашника трости, а затем, не дожидаясь французской полиции, доволоч до этого подвала.

Кучер пришёл в себя. Он хрипел, выплёвывая на грязный пол сгустки крови напололам с выбитыми зубами. Его левый глаз полностью заплыл огромной лиловой гематомой.

– Сжальтесь, мосье... – пробормотал он по-французски, испуганно глядя на Воронецкого. – Я просто не справился с лошадьми... Дождь... Брусчатка была скользкой...

Воронецкий не ответил. Он сидел абсолютно неподвижно, лениво крутя в пальцах серебряные отцовские часы. Их сухое, мерное тиканье в тишине подвала звучало как обратный отсчёт. На капитане был всё тот же промокший фрак, но рукава были засучены по локоть, обнажая бледные, покрытые жёсткими шрамами от азиатских ожогов предплечья.

Наконец, капитан убрал часы в карман жилета, медленно поднялся и подошел к пленнику. Из потайного кармана фрака он достал тяжёлый, вороненый «Смит-Вессон».

– Послушай меня, любезный, – Воронецкий заговорил на безупречном французском, но его голос был тихим, леденящим и лишённым каких-либо эмоций. – У меня мало времени. Мой генерал сейчас пьёт коньяк в посольстве, а я здесь, в этой дыре, пачкаю свои лучшие туфли. Давай пропустим ту часть, где ты мне врёшь.

Капитан взвёл курок револьвера. Сухой, резкий щелчок заставил кучера вздрогнуть. Воронецкий хладнокровно приставил тяжелое дуло оружия прямо к коленной чашечке сломанной ноги француза.

– Лошади были в порядке, – продолжил Воронецкий, чуть сильнее надавливая сталью на кость. – Ты стегнул их кнутом за секунду до того, как вылететь на тротуар. Кто заплатил тебе?

– Я не знаю! Клянусь девой Марией, я не знаю! – истошно закричал кучер, пытаясь дернуться, но веревки намертво врезались в его запястья. – Ко мне подошли в кабаке у Бастилии! Высокий господин... Англичанин! Он дал мне пятьсот франков золотом и сказал, где стоять!

– Имя, – Воронецкий слегка повернул дуло, заставляя металл врезаться в плоть. – Как его имя?

– Он не называл имени! Франки были настоящими, золотыми! Луидоры! – из здорового глаза кучера покатались слезы, смешиваясь с грязью и кровью на щеке. – Он просто сказал, что если я сделаю всё чисто, он добавит еще тысячу и отправит меня в Марсель!

Воронецкий внутренне подобрался. Это был был Кортленд. Британский ликвидатор лично координировал покушение.

– Где вы должны были встретиться для получения остатка денег? – капитан наклонился к самому лицу француза, так что тот почувствовал запах махорки и пороховой гари, въевшийся в кожу русского офицера.

– В порту... то есть, на пристани у моста Альма! Завтра в полночь! – задыхаясь от боли и страха, прокричал кучер. – Мосье, умоляю, не стреляйте! Я всё сказал! Я обычный портовый извозчик, у меня четверо детей!

Воронецкий внимательно всмотрелся в лицо пленника. Страх француза был подлинным, животным. Больше он ничего не знал. Кортленд никогда не доверял пешкам важные секреты.

Капитан медленно опустил курок револьвера и убрал его обратно под фрак. Он повернулся к выходу из подвала, бросив через плечо унтеру Сухову, который всё это время безмолвной тенью стоял у дверей с обнаженным кинжалом.

– Развяжи его, Сухов. Оставь здесь. И найми пару местных родёров, пусть присмотрят за этой мастерской. Если он дёрнется к полиции, прирежьте его.

– Слушаюсь, ваше благородие, – глухо отозвался унтер.

Воронецкий вышел на тёмную, залитую дождем улицу Сент-Антуан. Он поднял воротник промокшего пальто и посмотрел в сторону центра Парижа, где за стеной тумана угадывалось сияние богатых кварталов. В его голове складывался пазл. Завтра в полночь у моста Альма Кортленд будет ждать кучера. Но вместо трусливого француза за деньгами придёт русская контрразведка. Большая игра в Париже переходила в ночную, кровавую фазу.

Февраль 1882 года. Париж. Тайная канцелярия российского посольства на рю де Гренель.

В комнате, скрытой за массивной бронированной дверью в подвале посольства, круглосуточно стрекотал телеграфный аппарат, связывающий Париж с Санкт-Петербургом. По стенам тянулись полки с тяжелыми гроссбухами – шифровальными книгами Министерства иностранных дел.

Перед ним лежали три телеграфных бланка – копии зашифрованных депеш, которые ушли из Санкт-Петербурга на имя Кортленда за последние трое суток. Воронежский перехватил их через своего человека на центральном парижском телеграфе, щедро подкупив чиновника звонким золотом.

Рядом, нервно куря папиросу за папиросой, ходил унтер-офицер Сухов.

– Ваше благородие, – тихо произнес унтер, выпуская сизый дым. – Ну что там? Поддаётся?

– Почти, Сухов, почти... – пробормотал Воронежский, не отрывая взгляда от бесконечных рядов цифр. – Это не обычный дипломатический код. Это книжный шифр. Использована редкая система двойного замещения. Тот, кто сидит в Петербурге, очень не хотел, чтобы его прочитали. Но он допустил одну ошибку. Ошибку паркетного чиновника.

Воронецкий резко обмакнул перо в чернильницу и начал быстро вписывать буквы в пустые клетки блокнота. Серебряные отцовские часы на столе сухо отсчитывали секунды.

Пазл складывался. Буквы превращались в слова, слова – в леденящие душу фразы. Воронежский читал расшифрованный текст, и с каждым словом его челюсть сжималась всё сильнее, а на лбу проступала холодная испарина.

«Кортленду. Внимание. Переводчик в Асхабаде зачищен, но Воронежский нашёл обгоревшие бланки. Жандарм поехал в Париж вместе с объектом в качестве ищейки. Обладает звериной интуицией. План №3 на бульваре Капуцинок одобряю, но будьте осторожны. В случае неудачи действуйте Шарлотту в Москве. Коды доступа к ней переданы. Скобелев не должен вернуться в Россию живым».

Но самым страшным был не сам текст. В конце депеши стоял скрытый цифровой маркер отправителя – индивидуальный ключ-подпись, который использовался для заверения особых предписаний МИД России. Код, который Воронежский, будучи аналитиком Секретного делопроизводства, знал наизусть. Финальная цифровая группа раскрывалась однозначно.

«00-ВВ». Личный литер товарища министра, графа Воронцова-Вельяминова.

– Господи... – Воронежский медленно откинулся на спинку стула, перо выпало из его онемевших пальцев, оставив на бумаге жирную чёрную кляксу. – Это не просто чиновник.

Сухов замер с папиросой у рта.

– Ваше благородие... Быть не может. Граф Воронцов? Да он же... он же у государя на хорошем счету! Дворянин, орденосец!

– Дворянин, который продал нас с потрохами, – Воронежский поднялся, его лицо стало белым, как полотно, а шрамы на руках зловеще потемнели. – Он искренне считает Скобелева угрозой. Он сдает Кортленду каждый наш шаг, каждую явку. Из-за него погиб Мирза-хан в Азии. Из-за него нас едва не размазала телега на бульваре.

Капитан схватил листы со стола и бросился к выходу из подвала.

Десять минут спустя. Личные покои генерала Скобелева в посольстве.

Скобелев сидел в роскошном кресле, прижимая к разбитому лбу серебряный медальон со льдом. Увидев влетевшего без стука Воронежского, генерал недовольно нахмурился:

– Капитан, имейте приличие. Что за вид? Вы нашли кучера?

– Нашёл, Михаил Дмитриевич, – Воронежский с размаху положил расшифрованные листы прямо на колени генерала. – И кучера нашёл, и того, кто дёргает за ниточки в Петербурге. Читайте. Только держитесь крепче.

Скобелев пробежал глазами текст. По мере чтения лёд в его руке начал таять, капли воды падали на ковер, но генерал этого не замечал. Его лицо из бледного стало багровым. Он дышал тяжело, со свистом, как раненый вепрь.

– Валериан... Воронцов? – Скобелев поднял взгляд на Воронежского. В этом взгляде смешались дикая ярость и глубокое, детское потрясение человека, которого предали свои. – Этот кабинетный червь? Эта английская подстилка в пенсне?! Я его на дуэль вызову! Я ему башку снесу прямо на Дворцовой площади!

– Никаких дуэлей, Михаил Дмитриевич! – Воронежский жестко перебил генерала, наклонившись к нему. – Воронцов правая рука министра. Стоит вам заикнуться об этом публично, и вас объявят сумасшедшим, запрут в лечебницу или сошлют в Сибирь. У него связи, у него власть. Он убедил царя, что ваш «Индийский план» – это безумие.

– И что ты предлагаешь?! Сдаться? Ждать, пока Кортленд подсыплет мне яд в суп?! – Скобелев вскочил, швырнув медальон со льдом в стену. Хрусталь разлетелся на сотни осколков.

– Нет, – Воронежский выпрямился. Его голос звучал пугающе спокойно. – Мы возвращаемся в Россию. Но не в Петербург, а в Москву. Там, в тишине, мы подготовим оригинал плана и передадим его государю лично, через верных людей в обход МИДа. А Воронцов... пусть думает, что мы ничего не знаем. Мы заставим его совершить ошибку.

Капитан подошел к окну, за которым шумел промокший Париж.

– И последнее, Михаил Дмитриевич. Сегодня в полночь у моста Альма кучер должен был встретиться с Кортлендом для передачи денег. Кортленд еще не знает, что шифр взломан. Он придёт туда. И сегодня ночью я лично попробую оборвать эту британскую нить. Собирайте вещи, генерал. Наше парижское путешествие окончено. Завтра мы уезжаем на родину.

Полночь. Мост Альма.

Ночной Париж дышал сыростью Сены. Мелкий, колючий дождь смешивался с туманом, превращая газовые фонари на мосту Альма в расплывчатые, дрожащие пятна золотистого

света. Чугунные перила моста были облеплены влагой, под ногами хлюпала грязная вода, стекающая по мостовой к реке.

У самого берега, под сенью тополя, росшего у парапета, стоял закрытый фиакр с потухшими фонарями. Внутри, откинувшись на продавленную подушку, сидел Воронежский. Его фрак был снят и лежал на соседнем сиденье, а сам он в жилете поверх белой рубашки, сидел неподвижно, как гранитное изваяние. На коленях покоился «Смит-Вессон», а пальцы в чёрной перчатке лениво поглаживали сталь затвора.

Рядом с кучером, одетым в тёмный плащ с надвинутым капюшоном, стоял унтер-офицер Сухов. Если бы кто-то из прохожих рискнул заглянуть под капюшон, то увидел бы не лицо извозчика, а жёсткий, скуластый оскал бывшего уральского казака.

На часах было без пяти двенадцать.

– Сухов, – тихо, почти шёпотом, произнёс Воронежский из полумрака фиакра. – Когда увидишь фигуру, не дёргайся. Я выйду сам. Если будет стрельба, то укрывайся за конями и поднимай тревогу. Если я упаду, то уходи в посольство и передай генералу всё, что знаешь.

– Понял, ваше благородие, – так же тихо отозвался унтер, не поворачивая головы. – Только вы уж того... не падайте. Очень прошу.

Воронецкий усмехнулся в темноте. Казак умел хранить верность, и это было дороже любых шифров.

Пробило полночь. Удары колоколов ближайшей церкви гулко разнеслись над рекой, и сразу после них на пустынной набережной, со стороны площади Инвалидов, послышались шаги. Один человек. Шаг уверенный, неспешный, с лёгким постукиванием трости о мокрую брусчатку.

Воронецкий бесшумно, как тень, выскользнул из фиакра и прижался спиной к конской упряжи.

Человек подходил к мосту. Высокий, худощавый, в длинном непромокаемом пальто и цилиндре, низко надвинутом на лоб. Правая рука сжимала трость с массивным серебряным набалдашником в виде головы волка.

Уильям Кортленд. Британский ликвидатор остановился в трёх саженях от фиакра, в круге света ближайшего фонаря. Он огляделся, но не посмотрел на извозчика. Его взгляд, прищуренный и настороженный, скользил по кронам тополей, по набережной, по тёмной глади Сены.

Всё было чисто. Слишком чисто.

– Выходи, – негромко произнёс Кортленд по-французски. – Погода паршивая, я не намерен мокнуть всю ночь. Деньги у меня.

Вместо грузного кучера из тени кареты бесшумно шагнул Воронежский.

Кортленд узнал его мгновенно. Его глаза расширились всего на долю секунды, но этого хватило, чтобы Воронежский заметил эту вспышку узнавания и почти животного страха.

– Здравствуйте, мистер Кортленд, – тихо, с ледяной вежливостью, произнёс капитан по-английски. – Сюрприз.

Он медленно вышел на свет, держа «Смит-Вессон» опущенным дулом вниз. Его правая рука была без перчатки, и на тыльной стороне ладони бледнели шрамы от азиатских ожогов. На лице не было ни тени эмоций, только усталая, хищная сосредоточенность.

Кортленд замер. Он был натренирован, хладнокровен, но встреча с призраком, который должен был быть раздавлен колёсами повозки на бульваре Капуцинок, выбила его из колеи. Британский ликвидатор выпрямился, чуть сдвинул цилиндр на затылок, и на его тонких губах появилась едва заметная, почти восхищённая усмешка.

– Капитан Воронежский, – медленно, растягивая слова, произнёс Кортленд. – Неужели вы сумели пережить нашу маленькую дорожную аварию? Вы живучий, я отдаю вам должное. Но, полагаю, вы здесь не для того, чтобы обменяться любезностями?

– Вы угадали, – Воронежский сделал шаг вперёд. Дуло револьвера чуть приподнялось. – Я здесь, чтобы забрать ваши деньги... и кое-что сверх того.

Кортленд сухо рассмеялся.

– Вы не убьёте меня, капитан. Если вы убьёте британского дипломата в центре Парижа, вашего посла вышлют, а вас самого вздёрнут на площади Согласия. Ваш драгоценный генерал Скобелев получит международный скандал, который разрушит все его азиатские планы. Вы слишком умны для такой глупости.

– Я не собираюсь вас убивать, мистер Кортленд, – Воронежский приблизился ещё на шаг. Теперь между ними было не больше пяти футов. – Мне нужны имена. Кто в Лондоне, кроме вас, участвует в этой игре? Какие каналы поставки оружия в Азию? Назовите мне три имени, и я отпущу вас.

– Три имени? – Кортленд притворно задумался, приложив палец к губам. – Забавное предложение. Но, боюсь, мне придётся отказаться. Я, знаете ли, давал клятву короне.

Он с молниеносной скоростью отбросил трость в сторону и метнул в лицо Воронежскому пригоршню мелких острых щепок, спрятанных в рукаве пальто. Это была дешёвая, грязная уличная хитрость, но она сработала безупречно.

Воронецкий инстинктивно прикрыл лицо левой рукой. Острые осколки дерева впились в щёку и веко, ослепив на мгновение. Револьвер дёрнулся, но выстрелить капитан не успел.

Кортленд уже был в движении. Он нагнулся, подхватил с земли свою трость, и серебряный волк на её набалдашнике, описав дугу, ударил Воронежского по запястью.

Смит-Вессон вылетел из руки, звякнул о чугунную тумбу и упал в грязь у самого парапета. Рука Воронежского онемела, но он не отступил. Капитан, не обращая внимания на боль, сделал резкий выпад вперёд, схватившись за трость Кортленда свободной рукой. Двое мужчин сцепились в мёртвой хватке, их дыхание смешивалось с паром в холодном воздухе.

Кортленд был высок, жилист и силен. Но Воронежский был тяжелее, шире в плечах и разъярён. Они кружили по мокрой брусчатке, поскальзываясь, отчаянно пытаясь переломить хватку.

– Ты мертвец! – прошипел Кортленд, пытаясь ударить набалдашником в висок.

Воронецкий увернулся, поднырнул под руку британца и всем весом навалился на него. Противники с глухим ударом рухнули на мокрый камень. На секунду Кортленд оказался снизу. Воронежский мгновенно извернулся, освободив правую руку, и из внутреннего кармана жилета выхватил короткий, узкий стилет, который носил как запасное оружие.

Клинок блеснул в свете фонаря.

Кортленд рванулся в сторону, но было поздно. Лезвие прошло по касательной, рассекая его левую бровь до кости. Брызнула тёплая кровь, смешиваясь с дождём. Британец коротко вскрикнул от боли, в глазах его на миг промелькнул дикий, звериный ужас.

Но он не был бы Кортлендом, если бы сдался. Сквозь боль он нашёл в себе силы изогнуться, ударил Воронежского коленом в пах и, используя его секундную заминку, вывернулся из-под капитана, откатившись в сторону.

– Сухов! – что есть сил закричал Воронежский, пытаясь встать на колени. – Держи его!

Унтер бросился вперёд, но Кортленд уже был на ногах. Он с нечеловеческой быстротой побежал вдоль парапета в сторону узкого, тёмного переулка, уходящего от моста в сторону набережных.

Воронецкий поднялся на ноги, держась за разбитое запястье. Он видел высокую фигуру Кортленда. Она мелькнула в проходе между домами, и в следующую секунду раздался шум, похожий на всплеск, а затем глухой стук деревянной двери.

Капитан добежал до переулка. Он был пуст. В конце, у самой воды, гнила старая лодочная пристань, а от неё отходила шаткая лестница, ведущая прямо в тёмную воду Сены. Под лестницей колыхалась лодка, и прямо сейчас в неё прыгала чья-то тень.

Раздался всплеск, крик на английском, затем резкий скрежет весла о борт лодки. И через несколько секунд тишину нарушали только шаги Воронежского по каменной мостовой и отдалённый шум города.

Воронецкий перегнулся через перила набережной, глядя вниз. Лодка, управляемая одной рукой, быстро уходила вниз по течению, растворяясь в тумане. В последний миг он увидел, как Кортленд повернул голову, и даже в темноте различил руку в перчатке, которой тот прижимал рассечённую бровь.

– Чёрт! – выругался капитан, со всей силы ударив кулаком по перилам. – Ушёл... гад!

Он стоял, тяжело дыша, и чувствовал, как по лицу стекает не дождь, а его собственная кровь с рассечённой скулы. Сухов подбежал сзади, тяжело сопя, и встал на полшага позади командира.

– Родион Иванович, – хрипло выдохнул унтер, – он вас ранил?

– Ерунда, – буркнул Воронежский, вытирая лицо рукавом. – Он ушёл... Снова. Но теперь у него есть моя отметина.

– Завтра мы уезжаем в Россию, – сказал Воронежский, поворачиваясь к фиакру. – Думаю, что охота на британского пса не закончена. Она только начинается. Мы ударили его по морде. Теперь он будет ещё злее, но и осторожнее.

Воронецкий сел в карету, и они медленно отъехали от моста Альма, оставляя за спиной пустую набережную, тёмную Сену и мокрый след от чужой крови на брусчатке.

Глава 4

Март 1882 года. Санкт-Петербург. Платформа Николаевского вокзала.

Россия встретила их не овациями, а ледяным балтийским ветром и удушающим, глухим молчанием двора.

Поезд из Европы, тяжело отдуваясь грязным паром, замер у перрона. На платформе не было ни оркестров, ни восторженных толп, которые еще три недели назад носили Скобелева на руках по парижским бульварам. Вместо этого у вагонов переминались с ноги на ногу лишь несколько хмурых жандармских филеров в серых шинелях, чьи взгляды мгновенно приковались к выходящим пассажирам.

Воронецкий сошёл на перрон первым. Он поднял каракулевый воротник зимнего пальто и поправил черную фетровую шляпу, из-под которой внимательно осмотрел платформу. Взгляд контрразведчика фиксировал каждую деталь. Атмосфера в столице изменилась. В воздухе пахло не просто зимой, а предгрозовою паранойей. Год назад был убит Александр II, и новая власть в Гатчинском дворце видела заговорщиков в каждом, кто обладал хоть какой-то популярностью. А Скобелев был слишком популярен. И слишком опасен после своих парижских речей.

Генерал вышел из вагона следом. Его знаменитый светлый чекмень сменился строгой серой генеральской шинелью с красными отворотами. На лбу под каракулевой папашой еще белел след от парижской ссадины, но взгляд серо-голубых глаз был тусклым. Опала началась до того, как они успели доехать до Царского Села.

– Михаил Дмитриевич, – к ним, почти не скрываясь, подошёл полковник жандармерии, чей взгляд был направлен куда-то в сторону пуговиц скобелевского мундира. – Имею высочайшее предписание. Его Величество Александр Александрович отбыли в Гатчину. Принять вас в Зимнем дворце сейчас не имеют возможности. Вам рекомендовано временно отбыть в Москву. Для... поправления расстроенного в Азии здоровья.

Скобелев замер на подножке. Его пальцы в перчатке с силой сжали серебряный набалдашник шпаги. Желваки на челюсти заходили ходуном.

– Поправления здоровья? – переспросил он раскатыстым, опасно вибрирующим басом. – Я только что взял неприступную крепость в пустыне и спас империю от британской базы на Каспии! Моё здоровье в абсолютном порядке, полковник!

– Михаил Дмитриевич, умоляю вас, тише, – Воронежский мягко, но настойчиво взял генерала за локоть, увлекая за собой по деревянному настилу платформы. – Не здесь. Нас слушают даже привокзальные столбы.

Они вышли к привокзальной площади. Из тумана, со стороны Обводного канала, доносился унылый звон колоколов. Кареты посольства не было. Их ждал обычный наёмный извозчик. Столица империи демонстративно отвернулась от своего героя.

Час спустя. Санкт-Петербург. Дворцовая площадь. Здание Министерства иностранных дел.

Граф Валериан Николаевич Воронцов-Вельяминов сидел у себя в кабинете, неторопливо помешивая серебряной ложечкой английский чай в чашке из тончайшего веджвудского фарфора. За окном, сквозь морозные узоры, едва угадывался серый гранит монолита Александровской колонны.

Раздался тихий стук. В кабинет вошел секретарь, положив на край стола свежую шифрованную депешу из Москвы.

– Прибыли, граф, – тихо доложил секретарь. – Скобелев отказался оставаться в Петербурге. Час назад они с капитаном Воронцовым взяли билеты на вечерний поезд до Москвы. Жандармское управление Москвы уведомлено.

– Прекрасно, – Воронцов пригубил ароматный чай, и его губы тронула едва заметная, холодная улыбка циника. – Наш «бог войны» бежит в Первопрестольную. Парижский воздух пошёл ему на пользу. Он стал чуть благоразумнее. Но его речи на банкете... это был перебор. Государь в ярости. Британский посол сегодня намекнул мне, что если Скобелев не замолчит, Лондон заблокирует наши финансовые транши в Париже. Мы не можем себе этого позволить из-за амбиций одного солдафона.

Граф поставил чашку на блюдце, взял серебряный нож и аккуратно вскрыл потайной ящик секретера. Достал блокнот с книжным шифром и обмакнул перо в чернила.

«Кортленду. Объект загнан в Москву. Петербургский двор от него откrestился. Охрана жандармов с него снята по моему личному распоряжению. Официально, чтобы не привлекать внимания к опальному генералу. Воронцовский остался с ним почти один. Действуйте по Сценарию с Шарлоттой. Координаты её номеров на Петровке прилагаю. Сделайте всё тихо. Сердце героя должно остановиться без шума в прессе».

Воронцов аккуратно посыпал записку сухим песком, высушивая чернила, и передал её секретарю.

– Доставь на Английскую набережную. Лично в руки секретарю миссии. И проследи, чтобы капитан Воронцовский в Москве натёкался на глухую стену всякий раз, когда попытается запросить помощь у местных филеров. Игра должна быть сыграна чисто.

Ночь. Купе первого класса поезда Санкт-Петербург – Москва.

Поезд мерно стучал колёсами на стыках рельсов. В купе царил полумрак, нарушаемый лишь колеблющимся пламенем свечи в настенном газовом рожке.

Скобелев лежал на бархатном диване, уставившись в тёмный потолок. Его шинель была брошена в угол, ворот рубахи расстёгнут. На его лице читалась та самая тяжелая, свинцовая меланхолия, о которой писали британские аналитики в досье. Страх одиночества и забвения душил «Белого генерала» сильнее, чем текинские пули.

Воронцов сидел напротив. На его коленях лежала раскрытая кожаная папка, в которой покоился оригинал «Индийского плана» с картами, исписанные мелким почерком и графиками движения эшелонов. Капитан крутил в пальцах серебряные отцовские часы, слушая их сухой, монотонный стук, сливающийся со стуком колес.

– Они предали меня, капитан... – глухо, не поворачивая головы, произнес Скобелев. – Свои же. В Париже французы смотрели на меня как на спасителя. А здесь... царь прячется в Гатчине, Воронцов пьёт чай с английским послом, а меня выкидывают в Москву, как старую бродячую собаку, которая стала слишком громко лаять.

– Они боятся вас, Михаил Дмитриевич, – тихо ответил Воронцовский, убирая часы в карман жилета. – Боятся вашей силы и того, что армия пойдёт за вами, а не за министерскими кабинетами. Воронцов перекрыл нам кислород в Петербурге. Но в Москве у меня есть старые связи по жандармскому корпусу. Мы затаимся. Перепишем план, уберём политику, оставим только чистую военную стратегию. И найдём способ передать её государю через его личного адъютанта, минуя МИД.

Генерал тяжело вздохнул и повернулся на бок, закрывая глаза.

– Мне душно. Сердце жмет... Эта проклятая питерская сырость. В Москве мне нужно отдохнуть. Забыться хотя бы на пару дней. Иначе я сойду с ума.

Воронецкий посмотрел в запотевшее окно купе, за которым расстилалась глухая мартовская хмарь, скрадывающая очертания спящих деревень. Он понимал, что в Москве Скобелев, лишённый армии и признания, будет искать утешения в самых опасных местах. И Кортленд, вооружённый знаниями о слабостях генерала, уже выстраивает там свою финальную, ядовитую ловушку.

Март 1882 года. Москва. Номера гостиницы «Англия» на углу Петровки.

За окном шумел дождь, заливая газовые фонари, но в номерах Шарлотты Альтенроз царило вечное удушливое лето. Воздух был густо пропитан приторными фиалковыми духами и пудрой. На каминной полке тикали фарфоровые часы с амурами, а на столике из розового дерева вяли присланные очередным богатым обожателем розы.

Шарлотта стояла у трюмо, тупо глядя на свое отражение в тяжёлой раме. Двадцать четыре года. Фарфоровая баварская кожа, огромные кукольные глаза цвета мартовского неба и копна золотых волос. Вся Москва знала её под именем Элеонора. Блистательная, дорогая кокетка, ради взгляда которой юные подпоручики стрелялись на Ваганьковском кладбище, а старые сенаторы проигрывали в клубах целые имения.

Но сейчас, когда в комнате не было гостей, её губы судорожно дрожали, а пальцы раздирали тонкий кружевной платок. Она была не королевой этого полусвета. Она была рабыней.

Бавария, Мюнхен. Три года назад.

Шарлотта никогда не мечтала о блеске публичных домов и тайных номеров. Дочь обедневшего мюнхенского профессора ботаники, она росла среди книг, гербариев и строгой протестантской морали. Мир рухнул, когда отец внезапно скончался, оставив после себя гору неоплаченных долгов местным ростовщикам и смертельно больную мать. Юной Шарлотте грозила долговая тюрьма и позор на всю Баварию.

Именно тогда в их скромном доме на окраине Мюнхена впервые появился господин в безупречном английском пальто. Уильям Кортленд.

Он не угрожал. Он говорил тихим, вкрадчивым голосом джентльмена, пил чай и сочувственно кивал. На следующий день все векселя её покойного отца были выкуплены странной лондонской конторой, а матери Шарлотты обеспечили лучшее место в частной швейцарской клинике.

Цена за спасение семьи была простой. Шарлотта должна была сменить имя, уехать в далекую, холодную Россию и стать той, кем ей было суждено стать.

– Вы красивы, фройляйн Альтенроз, – говорил ей Кортленд, лениво покуривая сигарету. – Ваша красота – это оружие. Секретная служба Её Величества берёт на себя все расходы по вашему гардеробу в Париже и аренде лучших номеров в Москве. Взамен вы будете кружить головы русским министрам, генералам и жандармским чинам. Вы будете слушать их пьяные откровения после бурных ночей. А я буду приходить и забирать эти откровения.

Два года Шарлотта исправно выполняла свою роль. Через её постель проходили десятки чиновников, оставляя в её памяти даты перемещения войск, слухи о царских манифестах и деталях займов. Она ненавидела себя, плакала по ночам, смывая дорогую косметику, но панический страх перед Кортлендом парализовал её. Она знала, что один жест этого англичанина и её мать выкинут на улицу из клиники, а прошлое самой Шарлотты будет опубликовано в московских газетах.

Москва. Май 1882 года. Настоящее время.

Шарлотта вздрогнула от резкого, едва слышного щелчка. Дверь её будуара бесшумно отворилась. Она даже не повернулась. Этот кошачий, беззвучный шаг она узнала бы из тысячи.

В зеркале за её спиной отразилась высокая, худощавая фигура в чёрном сюртуке. Уильям Кортленд снял серый котелок, аккуратно положил его на кушетку и, не снимая жёлтых кожаных перчаток, оперся на трость с серебряным волком. На брови виднелся красный шрам, полученный в ночной стычке у моста Альма от Воронежского в Париже, что делало его аристократическое лицо пугающе хищным.

– Вы бледны, Лотта, – негромко произнес Кортленд по-немецки. – Московский климат вам не к лицу. Но у меня для вас хорошие новости. Скоро вы сможете вернуться в Мюнхен. К матери. Ваша служба Короне подходит к концу.

Шарлотта резко повернулась, её глаза лихорадочно блеснули.

– Это правда, Уильям? Вы отпустите меня? Что я должна сделать?

Кортленд подошёл ближе. Запах его дорогого табака мгновенно перебил приторный аромат фиалок. Он запустил руку в карман жилета и выложил на мраморный столик трюмо крошечный, изящный флакон из тёмного янтарного стекла.

– «Белый генерал» в Москве уже второй месяц, – тихо, почти ласково сказал британец. – Он полностью разбит, одинок и ищет забвения. Ловушка готова, и через день-два он придёт к вам. Вы примете его, Лотта. Вы окружите его такой лаской, какой он не видел в своих походах. А когда он попросит шампанского... вы добавите туда три капли из этого флакона. Всего три капли.

Шарлотта в ужасе отпрянула, прижавшись спиной к зеркалу.

– Нет... Нет! Вы хотите, чтобы я стала убийцей?! Это же Скобелев! Его обожает вся Россия! Я не смогу...

Кортленд сделал один стремительный шаг вперед. Его рука в желтой перчатке стальными тисками сжала подбородок девушки, заставляя её смотреть прямо в его ледяные, серые глаза.

– Вы сделаете это, фройляйн Альтенроз, – прошипел он ей в самые губы. – Или ваша мать умрёт в швейцарской канаве через неделю, а вы закончите свои дни на сибирской каторге за шпионаж в пользу Англии. Вы увязли слишком глубоко, чтобы строить из себя святую. Три капли в бокал. Сердце героя просто не выдержит бурной ночи с прекрасной Элеонорой. Врачи спишут всё на паралич. И вы свободны.

Он резко отпустил её. Шарлотта упала на колени у трюмо, закрыв лицо руками и беззвучно рыдая. Кортленд посмотрел на неё сверху вниз без тени жалости, подобрал котелок и так же бесшумно исчез за дверью.

На мраморном столике, зловеще поблескивая в свете свечей, остался лежать янтарный флакон – смертный приговор Михаилу Скобелеву.

Июнь 1882 года. Москва. Номера гостиницы «Англия».

Тяжёлая, душлимая июньская жара прижала Москву к земле, высушив мостовые добела. Окна номеров Шарлотты были плотно зашторены, но даже сквозь толстый бархат пробивался душный, пыльный запах раскаленного города.

Скобелев сидел в глубоком кресле, откинув голову на спинку. Ворот шёлковой косоворотки был расстегнут, обнажая тяжело вздымающуюся грудь. В эти дни в Москве он казался призраком самого себя – без армии, без парадов, окружённый ледяным молчанием Петербурга. Бессонница и чёрная, свинцовая меланхолия выпили из него все силы.

Шарлотта сидела на ковре у его ног. Её золотые волосы были распущены, а в руках она сжимала хрустальный бокал с холодным шампанским.

– Выпей, Мишель, – тихо, со своим мягким баварским акцентом прошептала она, заглядывая в его потускневшие серо-голубые глаза. – Тебе станет легче. Хватит думать о тех, кто предал тебя в столице.

Скобелев медленно повернул к ней голову. На его лице, обычно суровом и волевом, сейчас читалась детская, беззащитная усталость. Он протянул руку в тонкой белой перчатке, с которой не расставался даже здесь, и аккуратно коснулся её фарфоровой щеки.

– Ты единственная, Лотта, с кем я могу просто молчать, – хрипло, сорванным голосом произнес генерал. – Мои солдаты видят во мне бога, царь видит бунтовщика, а Воронцов – сумасшедшего фанатика. И только здесь, в твоих номерах, я не «Белый генерал». Я просто человек, который смертельно устал от этой бесконечной войны.

Шарлотта прижалась щекой к его ладони. В её груди в этот момент разворачивалась настоящая трагедия. За те встречи, которые случались после его возвращения из Парижа, она искренне, всем сердцем полюбила этого безумного, честного и бесконечно одинокого русского героя. В мире похотливых московских купцов и циничных чиновников Скобелев был единственным, кто видел в ней женщину, а не дорогую живую игрушку. Она хотела бы бросить всё, обнять его и уберечь от всего мира.

Но в следующую секунду её взгляд упал на мраморный столик у трюмо. Там, спрятанный за флаконами с французскими духами, зловеще поблескивал янтарный флакон с индийским аконитом.

Липкий, парализующий ужас мгновенно сдавил ей горло. Перед глазами встало ледяное лицо Уильяма Кортленда и его пальцы в жёлтых кожаных перчатках, сжимающие её подбородок. Она почти физически чувствовала, что англичанин стоит где-то за портьерой, наблюдая за каждым её движением. Шарлотта понимала, что если она не сделает то, что приказано, Кортленд уничтожит её мать, а саму её сдаст жандармам. Она была зажата между великой любовью и абсолютным, животным страхом.

– Почему ты плачешь, Лотта? – тихо спросил Скобелев, заметив, как по её щеке покати-лась одинокая слеза.

– От радости, Мишель, – соврала она, судорожно ломая пальцы. – От того, что ты сейчас здесь, со мной. Отдохни. Закрой глаза. Я буду охранять твой покой.

Генерал тяжело вздохнул, закрыл глаза и впервые за много дней погрузился в тревожный, тяжёлый сон. Шарлотта осталась сидеть на полу, бережно держа его за руку и с ужасом вслушиваясь в тишину номеров, которая пахла фиалками и грядущей смертью. Капкан заговора захлопнулся, и до роковой ночи оставались считанные часы.

Глава 5

Июнь 1882 года. Москва. Здание Жандармского управления на Тверском бульваре.

В канцелярии столичного управления было сыро. Капитан Воронежский с силой хлопнул ладонью по дубовому столу, отчего чернильница-непроливайка подпрыгнула, выплеснув каплю черных чернил на оперативные сводки.

– Вы с ума сошли, Семён Петрович?! – голос Воронежского сорвался на глухой, зловещий шепот. – Из Парижа прибыл ликвидатор Уайтхолла. У меня на руках перехваченные шифры. Жизнь генерала Скобелева висит на волоске, а вы снимаете скрытое наблюдение с Тверской и Петровки?

Напротив него, пряча глаза за стеклами круглых очков, сидел тучный жандармский полковник. Он лихорадочно перебирал пальцами бумаги, не смея встретиться взглядом с разъярённым контрразведчиком.

– Родион Иванович, голубчик, да поймите же вы... – полковник нервно сглотнул. – Я человек маленький. Подневольный. Нам из Петербурга, из самого Министерства за подписью графа Воронцова-Вельяминова циркуляр пришел. Особое предписание №404. Чётко и ясно сказано: *«Ввиду частного характера визита генерал-адъютанта Скобелева, во избежание излишнего общественного резонанса и ущемления его покоя, любое негласное наблюдение силами филеров прекратить. Капитану Воронежскому в выделении личного состава отказать»*.

– Воронцов... – Воронежский сжал кулаки. – Он намеренно оставляет генерала голым. Полковник, это измена! Чистой воды государственная измена! Вы становитесь соучастниками убийства!

Полковник мгновенно побледнел, вскочил со стула и подбежал к двери, проверяя, плотно ли она закрыта.

– Тише вы, ради Бога, Воронежский! – зашипел он, вытирая пот со лба шёлковым платком. – Какое убийство? Скобелев – опальный бунтарь, его пол-Петербурга спит и видит, как в отставку отправить. Граф Воронцов бережёт покой империи. Я против циркуляра товарища министра не пойду. Мои люди на Петровку не выйдут. И вам я настоятельно рекомендую... не соваться. Езжайте в свое Туркестанское управление, от греха подальше.

Воронецкий медленно поднялся. Он больше не кричал. В его серых глазах застыл тот самый леденящий, мёртвый покой, который появлялся у него перед рукопашной в Азии. Капитан аккуратно достал из кармана жилета серебряные отцовские часы, нажал на пружину. Крышка щёлкнула, явив тусклый циферблат.

– Часы тикают, Семён Петрович, – тихо, со стальной интонацией произнес Родион. – Скоро они пробьют полночь. И когда всё случится, этот питерский циркуляр не спасёт вашу шею от петли. Я сам её затяну.

Воронецкий резко повернулся, на ходу нахлобучивая фетровую шляпу, и вылетел из канцелярии, с грохотом захлопнув дверь.

Час спустя. Тверской бульвар.

Жара стояла невыносимая. Тополиный пух, похожий на грязный хлопковый снег, забивался в рот и глаза, мешая дышать. Воронежский шёл по аллее быстро, почти бегом, с силой опираясь на свою тяжёлую трость со стальным сердечником.

Один. Воронцов перекрыл все вентили. Официальной помощи в Москве больше не будет. Жандармы умыли руки, филеры отозваны, а Скобелев заперся в своих покоях, погружаясь в пучину алкоголя и меланхолии, отказываясь слушать любые предупреждения.

У памятника Пушкину его ждал унтер-офицер Сухов. Казак сидел на лавке, лениво лущая семечки, но его глаза цепко осматривали прохожих.

– Ну что, ваше благородие? – тихо спросил Сухов, приподнимая картуз при приближении капитана. – Дали людей?

– Отказ, Сухов. Полный отказ, – Воронежский остановился, тяжело дыша. – Воронцов подготовил идеальную сцену для Кортленда. Нас заперли в тёмной комнате и завязали глаза. Это слепой полет.

– Что делать будем? – казак нахмурился, его рука привычно потянулась к борту чекменя, где прятался кинжал. – Нам вдвоём всю Петровку и Столешников не перекрыть. Англичанин может зайти с любого чёрного хода.

Воронецкий достал из кармана измятый лист бумаги с расшифровкой парижской депеши. Его взгляд остановился на строчке: *«В случае неудачи задействуй Шарлотту в Москве. Коды доступа переданы»*.

– Мы пойдём от обратного, Сухов, – капитан прищурился, глядя сквозь марево жары на купола Страстного монастыря. – Если мы не можем охранять Скобелева, мы должны вычислить его уязвимость. Воронцов писал про Шарлотту. Немецкая кокотка, Элеонора. Генерал бредил её именем в поезде. Кортленд обязательно использует её как приманку. Нам нужно узнать, где её номера.

– Так я мигом, ваше благородие! – оживился Сухов. – У меня в Москве есть знакомый извозчик из бывших наших, ширванцев. Они, извозчики, всю здешнюю шваль и дорогих девок наизусть знают. Через час буду знать, где эта немка обретаётся.

– Одна нога здесь, другая там, Сухов, – Воронежский жёстко хлопнул унтера по плечу. – И помни, Кортленд уже в городе. Если заметишь человека в желтых кожаных перчатках, в бой не вступать, сразу ко мне. Нам нужно опередить его хотя бы на один шаг. Иначе «Белый генерал» из Москвы живым не уедет.

Сухов коротко кивнул и растворился в пыльной толпе Тверского бульвара. Воронежский остался один. Он прислонился спиной к вековому липовому дереву, нащупывая сквозь ткань фрака тяжёлый металл «Смит-Вессона». Времени оставалось до заката. Надвигалась самая страшная ночь в его жизни.

Июнь 1882 года. Москва. Съёмная квартира Воронежского в глухом переулке у Сухаревой башни.

Комната тонула в душных, тяжёлых сумерках московского вечера. Окна были распахнуты настежь, но вместо прохлады с улицы доносился лишь плотный запах перегретого камня, пыли и конского навоза. На столе лежали десятки исписанных листов, обрубки карандашей и раскрытый жандармский шифр-блокнот.

Капитан Воронежский сидел без сюртука, в одной нательной рубаше с расстёгнутым воротом. Его лоб блестел от пота, а под глазами залегли глубокие, чёрные тени от бессонницы. Контрразведчик остался почти один. Государственная машина, которой он преданно служил десять лет, со скрипом развернулась и ударила его наотмашь. Жандармы умыли руки, филеры были отозваны, а сам Скобелев медленно сходил с ума от меланхолии в номерах. Но теперь у Воронежского было то, чего он добивался с самой Азии: имя. Валериан Николаевич Воронцов-Вельяминов был тот, кто сидел в министерском кресле и тянул нити измены. Однако имени для ареста такого зверя было мало. Ему требовалось неопровержимое, абсолютное доказательство, перед которым замолчат даже сановные покровители предателя.

Он снова и снова возвращался к деталям перехваченных в Париже шифровок. Текст он знал наизусть, но теперь его интересовали не слова, а математика измены. В контрразведке учили, что каждый шифровальщик имеет свой уникальный «почерк» – ритм замен, излюбленные ключевые слова, манеру округления цифровых знаков. И если раньше капитан лишь подозревал Воронцова, опираясь на Личный литер товарища министра под шифровкой и саботаж московской жандармерии, то теперь он должен был пригвоздить его к позорному столбу одной лишь цифрой.

Воронецкий взял увеличительное стекло и приблизил его к скопированным на папиросную бумагу рядом цифр перехватов. Его пальцы, покрытые шрамами от азиатских ожогов, мерно постукивали по столу, выбивая такт.

– Ну же, раскройся, ты, министерская гнида... — ледяным шёпотом произнес Родион. Он знал, что ищет, – доказательства, что та самая «подпись» парижской шифровки подлинная, которые превратят догадки в приговор.

Внимание капитана приковала вводная группа цифр, так называемый «мусорный ключ», который шифровальщик использует для маскировки основного сообщения. В трех разных депешах этот ключ начинался с одной и той же комбинации: 17-80-04. В дипломатических кодах МИДа это было грубейшим нарушением инструкций. Ключ должен быть случайным. Но этот человек упорно использовал одни и те же цифры.

– 1780 год. Четвертый месяц апрель, – мозг Воронежского, работавший сейчас на пределе возможностей, мгновенно выдал историческую справку. Он уже знал, что именно тогда Екатерина II подписала Декларацию о вооруженном нейтралитете, направленную против Англии. И он помнил, чей дед был секретарём той специальной комиссии. Воронцов. Старая родоведческая привычка, вьёвшаяся в плоть династии. Но если раньше это было лишь совпадением, то теперь капитан держал в руках повторяющийся шаблон. Требовалось подтверждение.

Капитан перевернул страницу своего жандармского гроссбуха. Строчка за строчкой, и взгляд замер на знакомой графе: *«Воронцов-Вельяминов Валериан Николаевич»*. Сейчас он не искал имя, он искал связи. Сопоставляя даты, Воронежский заметил, что вторая депеша Кортленду содержала внутренний проверочный код *«Грейг-88»*. В официальных шифрах такого кода не существовало, но капитан прекрасно помнил статью Воронцова в «Вестнике Европы» двухлетней давности, где тот публиковал закрытые архивы Адмиралтейства, посвященные действиям адмирала Грейга против шведов и англичан в 1788 году.

– Не просто служебный маркер, – Воронежский почувствовал, как у него на затылке зашевелились волосы от страшной уверенности. – Этот человек использует в качестве шифровальных ключей даты и имена из собственного семейного архива Воронцовых. Глупость? Нет, наглость. Он настолько уверен в своей безнаказанности, что даже не утруждает себя выдумыванием новых комбинаций, оставляя нам приветы от своего деда. Но теперь из этого можно сплести петлю.

Пазл, который капитан собирал от самой Азии, окончательно сошёлся. Все обгоревшие бланки из Геок-Тепе, парижская повозка, саботаж московской жандармерии, всё это исходило из одного кабинета на Дворцовой площади. Имя питерского предателя было доказано математически. В его руках было не просто имя, а шифровальная «кровь» предателя: ритм, шаблон, ключ. С этим можно было идти на самый верх. Это был не мелкий шифровальщик, не подкупленный курьер. Империю продавал человек, стоявший у её дипломатического руля, и у Воронежского теперь была пуля, заряженная цифрами.

В этот момент дверь комнаты тихо отворилась. На пороге, тяжело дыша и вытирая пот со лба, появился унтер-офицер Сухов.

– Ваше благородие, – выдохнул казак, закрывая дверь на засов. – Извозчик нашёл. Номера немки Шарлотты находятся на углу Петровки и Столешникова. Гостиница «Англия». Генерал Скобелев час назад приехал туда в закрытой пролётке.

Воронецкий медленно поднялся со стула. Его лицо казалось каменной маской, лишённой каких-либо эмоций. Теперь у него было всё: имя исполнителя на месте, имя заказчика в кармане и математическая выкладка, превращающая подозрения в приговор. Он бережно свернул листы с анализом и спрятал их во внутренний карман фрака рядом с тяжелой, холодной сталью «Смит-Вессона».

– Ловушка захлопнулась, Сухов, – тихо сказал капитан, беря со стола свои серебряные часы и пряча их в жилет. – Наш питерский «друг» Воронцов-Вельяминов только что собственноручно подписал себе смертный приговор этими цифрами. А его московский посыльный уже ждет генерала на Петровке. Выдвигаемся. Если мы опоздаем хоть на минуту, спасти будет некого.

24 июня 1882 года. Москва. Номера гостиницы «Англия» на Петровке.

Ночь не принесла Москве прохлады. Тяжелое, предгрозовое небо висело над куполами Первопрестольной. На третьем этаже гостиницы «Англия» окна были приоткрыты, но шторы не шевелились. Душный, замерший воздух пах пылью и фиалками.

Шарлотта стояла посреди комнаты, судорожно сжимая в ладонях кружевной платок. Её кукольные голубые глаза были полны слез и дикого, парализующего страха. Скобелев ушел час назад измученный меланхолией. Он отправился на ужин к своим старым соратникам, пообещав вернуться к полуночи.

Дверь за спиной Шарлотты бесшумно отворилась. Она даже не обернулась. Кошачий шаг британского «Призрака» заставил её сердце пропустить удар.

Уильям Кортленд вошёл в комнату, аккуратно прикрыв за собой дверь. Его чёрное английское пальто было перекинуто через руку, а на ладонях неизменно желтели кожаные перчатки, в которых он держал трость с серебряным волком. Лицо ликвидатора было бледным и абсолютно спокойным.

– Он вернётся к полуночи, Лотта, – негромко произнес Кортленд по-немецки и его голос звучал пугающе обыденно. – Всё готово. Жандармы отозваны, капитан Воронежский остался без ушей и глаз. Граф Воронцов гарантирует, что этой ночью на Петровке не будет ни одного лишнего патруля.

Британец подошёл к мраморному столику трюмо и легким щелчком пальца пододвинул к краю янтарный флакон с индийским аконитом.

– Помните, фройляйн Альтенроз про три капли в бокал с шампанским. Всего три капли. Когда он начнёт задыхаться, вы не будете звать на помощь. Вы дождётесь, пока его сердце сделает последний удар. Затем вы возьмёте из его чемодана кожаную папку с георгиевской лентой. Я буду ждать вас на чёрном выходе.

Шарлотта упала на колени, её голос сорвался на рыдание.

– Уильям, пощадите... Я люблю его! Он единственный честный человек в этой проклятой стране! Я не могу стать его убийцей!

Кортленд стремительно наклонился, его пальцы в желтой перчатке стальными тисками перехватили её запястья. Его серые глаза оказались в дюйме от её лица.

– Вы сделаете это, Лотта, – прошипел он с леденящей яростью. – Или завтра утром ваша мать в Швейцарии окажется на улице, а вы в подвалах жандармерии как британская шпионка. У вас нет выбора. Судьба этой империи решается в вашем бокале.

Он резко оттолкнул её и так же бесшумно, как вошёл, растворился в темноте коридора, оставив девушку лежать на ковре в полубоморочном состоянии.

Полночь. Окраина Москвы, район Хитрова рынка.

Пока в номерах «Англии» плелась ядовитая нить, капитан Воронцовский пробивался сквозь худшее место Москвы. Хитровка встретила его крошечной тьмой, грязью и вонью перегара. Здесь, среди ночлежек, притонов и беглых каторжников, Кортленд устроил свою тайную базу, скрываясь от редких ищущих. Воронцовский узнал об этом через нанятых осведомителей из криминального мира Первопрестольной.

Дождь хлынул внезапно. Тяжёлые, крупные капли забарабанили по гнилым деревянным крышам ночлежек. Вспышка молнии на секунду осветила грязный переулок.

Воронцовский в мокром сюртуке, с зажатым в руке «Смит-Вессоном», быстро двигался вдоль кирпичной стены заброшенного склада. За ним безмолвной тенью следовал унтер Сухов с обнаженным кинжалом.

Контрразведывательное чутьё Воронцовского сработало за секунду до удара. Из темноты прохода бесшумно вынырнула высокая фигура в чёрном. Вспышка молнии отразилась от серебряного набалдашника трости.

Кортленд! Он возвращался от Шарлотты на свою конспиративную квартиру.

– Стоять! Жандармерия! – гаркнул Воронцовский, вскидывая револьвер.

Британский агент среагировал со скоростью молнии. Он не стал бежать. Одним резким движением он выдернул из своей трости тонкий четырехгранный стилет и сделал стремительный выпад вперёд. Воронцовский едва успел уклониться. Сталь со свистом прорезала сукно его сюртука на груди.

Родион нажал на спуск «Смит-Вессона». Оглушительный грохот выстрела разорвал шум дождя, ослепив переулок жёлтой вспышкой дымного пороха. Пуля выбила кирпичную крошку в двух дюймах от головы Кортленда.

Британец, понимая, что против огнестрельного оружия у него нет шансов, резко развернулся и прыгнул в узкую, чёрную щель между ночлежками.

– За ним, Сухов! Отрезай дорогу к площади! – крикнул Воронцовский, срываясь на бег.

Грязь летела из-под сапог. Капитан бежал, ориентируясь на тяжёлое дыхание и шлепки подошв впереди. Они влетели в лабиринт Хитровских дворов с проходными коридорами и деревянными галереями, забитыми спящими бродягами. Кортленд действовал как профессиональный зверь. Он на ходу перевернул тяжёлую деревянную бочку с помоями, преградив дорогу контрразведчику, и взлетел по хлипкой лестнице на второй ярус галереи.

Воронцовский выскочил на галерею секундой позже, но Кортленда уже не было. Лишь внизу, у ворот, ведущих на Подколокольный переулок, хлопнули двери закрытой извозничьей пролётки, и лошади бешено понеслись прочь, унося ликвидатора в темноту грозы.

Капитан остановился у перил, тяжело дыша. Дождь заливал ему лицо, смывая грязь и пот. Рука, сжимавшая револьвер, дрожала от ярости.

– Упустили, ваше благородие... – подбежавший Сухов сплюнув кровь. В темноте он налетел на деревянную балку. – Ушел аглицкий пёс.

Воронцовский медленно опустил оружие, его взгляд стал пугающе холодным. Он посмотрел в сторону центра Москвы, где за стеной ливня угадывались очертания Петровки.

– Он поехал к ней, Сухов, – тихо, но со стальным звоном произнёс Родион. – Он понял, что мы наступили ему на хвост. Кортленд больше не будет ждать. Он запустит финал заговора прямо сейчас. Бегом на Петровку! Бегом, Сухов! Если мы не успеем, «Белый генерал» умрёт этой ночью.

Глава 6

25 июня 1882 года. Москва. Угол Петровки и Столешникова переулка. Около полуночи.

Дверь номеров гостиницы «Англия» отворилась с тяжёлым, глухим вздохом. В прихожей показалась высокая фигура в расстёгнутом дорожном сюртуке. Генерал Скобелев вошёл в комнату, едва переставляя ноги. Измученный бессонницей, удушливой московской жарой и бесконечным, давящим чувством изоляции, он казался раненым, загнанным зверем. На его лице не осталось и следа от былой азиатской или парижской спеси, а только серая, мертвенная бледность. Он швырнул фетровую шляпу на кресло и, тяжело вздохнув, опустил на бархатный диван, подперев голову руками.

Шарлотта, стоявшая у окна, вздрогнула всем телом. В её пальцах, спрятанный в складках кружевного платья, лежал тот самый янтарный флакон. Руки девушки крупно дрожали, а к горлу подкатывал липкий, удушливый ком.

– Лотта... – не поднимая головы, глухо произнес Скобелев. – Принеси вина. Мне душно. Словно вся эта проклятая Москва стянулась петлей вокруг моей шеи. В клубе сегодня генералы отворачивались, стоило мне подойти. Питерские газеты пишут, что я сошёл с ума. Воронцов празднует победу. Меня предали, Лотта. Все. До единого человека.

Шарлотта медленно подошла к столику, где в серебряном ведёрке со льдом стояла запотевшая бутылка шампанского. Каждый шаг давался ей с трудом, словно ноги налились свинцом. Она взяла хрустальный бокал, повернулась спиной к генералу и, закусив губу до крови, приподняла флакон.

Три капли прозрачной, маслянистой жидкости бесшумно упали на дно хрусталя. Аконит из британской Индии.

Она налила шампанское. Пена зашипела, скрывая смертоносный экстракт. Повернувшись, Шарлотта подошла к дивану и протянула бокал Скобелеву.

Генерал поднял на неё серо-голубые глаза. В них было столько бескрайней, детской веры и благодарности, что Шарлотте захотелось закричать. Он взял бокал, но пить не стал. Вместо этого он поймал её свободную руку и прижал её к своим губам.

– Спасибо тебе, – тихо сказал «Белый генерал». – Если бы не ты, я бы пустил себе пулю в лоб еще на перроне в Петербурге. Ты единственная чистая душа в этом вертепе. Я перепишу «Индийский план». Воронежский поможет. Мы достучимся до государя. Россия ещё умоется слезами, когда поймёт, кто её настоящий враг.

Слова Скобелева резали Шарлотту без ножа. Внутренний надрыв достиг предела. Она смотрела на бокал в его руке и понимала, что через минуту этого великого, наивного человека не станет. И убьёт его она. Не Кортленд, не Воронцов, а она – женщина, которой он доверил свою жизнь.

– Мишель... подожди, – её голос сорвался на испуганный шёпот. Она попыталась перехватить бокал. – Не пей. Прошу тебя, не надо.

Скобелев удивленно нахмурился, удерживая хрусталь.

– Что с тобой, Лотта? Ты вся дрожишь.

– Мишель, послушай меня! – Шарлотта упала перед ним на колени, судорожно хватая его за колени. Слёзы хлынули из её глаз, размазывая дорогую парижскую тушь. – Тебе нельзя здесь оставаться! Беги! Уезжай из Москвы прямо сейчас! Они повсюду... Они следят за каждым твоим вздохом! Англичанин... Кортленд... Он заставил меня!

Генерал замер. Его тело мгновенно напряглось, а взгляд снова стал пугающе трезвым и стальным, как на поле боя в Азии.

– Что ты говоришь, Лотта? При чем тут Кортленд?

– Я должна была... – Шарлотта задыхалась от рыданий, указывая трясущимся пальцем на бокал. – В вине... Там яд, Мишель! Он держит в заложниках мою мать в Мюнхене! Если бы я не сделала этого, он бы убил нас обеих! Прости меня... Господи, прости меня!

Скобелев медленно опустил взгляд на искрящееся шампанское. В его голове в одно мгновение выстроилась вся страшная цепочка: обгоревшие бланки Геок-Тепе, покушение в Париже, ледяная улыбка Кортленда в отеле «Континенталь» и циничное предательство Воронцова. Измена подобралась к нему с самой неожиданной стороны через нежные руки женщины, у которой он искал спасения.

Он не ударил её. Не закричал. Михаил Скобелев просто разжал пальцы.

Хрустальный бокал упал на ковер. Раздался тонкий звон, и отравленное вино темным, зловещим пятном растеклось по роскошной ткани, мгновенно впитываясь в ворс.

Генерал медленно поднялся с дивана, тяжело дыша. Его лицо превратилось в суровую, ледяную маску.

– Значит, игра окончена, – глухо произнес он, потянувшись к кожаному саквою, где лежал оригинал «Индийского плана». – Воронежский был прав. Нам нужно было уходить ещё вчера.

Но уйти «Белому генералу» было не суждено.

Из-за тяжёлой бархатной портьеры будуара, плавно и бесшумно, как настоящий призрак, выросла высокая фигура в чёрном жилете с засученными рукавами. В его руке, затянутой в перчатку, хищно поблескивал обнаженный четырехгранный стилет, выдернутый из трости.

Уильям Кортленд зловеще улыбнулся, делая шаг вперед.

– Вы правы, генерал. Игра действительно окончена. Но ваша пролётка уже никуда не поедет.

Скобелев медленно перевел взгляд с Кортленда на разбитый бокал, а затем на Шарлотту, которая в ужасе сжалась на полу, закрыв лицо руками. «Белый генерал» не сделал ни единого движения к саквою. На его лице, только что отражавшем ярость, вдруг воцарилось леденящее, страшное спокойствие. Он понял, что круг замкнулся. Без жандармского оцепления, без верного Воронежского, преданный собственной страной и запертый в номерах с издевательским названием «Англия», он был обречён.

– Вы хорошо подготовили сцену, мистер Кортленд, – глухо, но со стальной усмешкой произнес Скобелев, выпрямляя спину и расправляя широкие плечи. – Даже жандармов убрали руками Воронцова. Чистая кабинетная работа.

– Благодарите вашего товарища министра, генерал. Он оказался на редкость разумным политиком. Страна не должна истекать кровью из-за фантазий одного человека, – Кортленд сделал плавный шаг вперед, не отводя острия стилета от груди Скобелева. На бледном лице британца не было и тени сомнения. – Жаль, что фройляйн Альтенроз оказалась столь сентиментальной. Придётся обойтись без красивой легенды о «внезапном параличе сердца от бурной ночи». Но результат останется прежним.

Кортленд резко вскинул руку со стилетом для удара, но в этот момент Скобелев, чье сердце уже сдавливал страшный, удушливый спазм от запредельного нервного перенапряжения последних месяцев, покачнулся. Лицо «Белого генерала» мгновенно посинело, он схватился рукой за левую сторону груди. Хваленое здоровье бога войны, подорванное чумными песками Азии и бессонными ночами, выдало смертельный сбой без всякого аконита. Огромный многотонный маховик его жизни просто остановился.

Скобелев тяжело, со свистом выдохнул и рухнул обратно на бархатный диван. Его глаза стекленели, устремившись в потолок, а пальцы в белой перчатке судорожно скрючились.

Кортленд замер. Он осторожно приблизился, снял перчатку и кончиками пальцев коснулся шеи генерала. Пульса не было. Британский агент брезгливо поморщился и опустил оружие. Смерть Скобелева наступила сама, избавив его от необходимости пачкать сталь.

– Тем лучше для Уайтхолла, – пробормотал Кортленд по-английски.

Он стремительно повернулся к столу, схватил кожаный саквояж Скобелева и рывком вскрыл его. Среди личных вещей и карт Азии его пальцы мгновенно нащупали то, ради чего Корона развязала эту тайную войну – плотную, тяжёлую папку, перевязанную георгиевской лентой. Оригинал «Индийского плана». Документ, способный перевернуть карту мира.

Кортленд вытащил папку, прижал её к боку и бросил ледяной взгляд на плачущую Шарлотту.

– Живи пока. Но если пикнешь хоть слово контрразведке, тебя найдут на дне Хитровских болот.

Британец бросился к выходу из номера, но не успел он коснуться дверной ручки, как с коридора донесся яростный топот сапог и треск выламываемых дверей соседних комнат. Воронежский и Сухов пробивались на третий этаж. Путь к главному выходу был отрезан.

Входная деревянная дверь разлетелась со второго удара. Кованый каблук армейского сапога унтера Сухова вынес замок вместе с мясом и щепками.

Воронецкий влетел в затянутую фиалковым дымом гостиную первым, почти стелясь по полу. Его фрак был насквозь пропитан Хитровской грязью и ливнем, с полей фетровой шляпы стекали крупные капли, а в вытянутой руке застыл взведенный «Смит-Вессон».

– Ни с места, Кортленд! – рявкнул капитан, срывая голос до хрипа.

Первое, что выхватил его взгляд в полумраке комнаты, была Шарлотта. Немецкая кокотка выла, забившись под трюмо и обхватив голову пальцами. Второе – диван. Там, неестественно откинув голову на бархатный валик, неподвижно лежал генерал Скобелев. Его лицо было сине-серым, а пальцы в белой перчатке застыли в судорожном изломе.

Кортленд стоял у раскрытого саквояжа, прижимая к левому боку заветную папку с георгиевской лентой. Британский агент среагировал со скоростью атакующей гадюки. Не тратя доли секунды на пустые разговоры, он крутанул в руке четырехгранный стилет и швырнул его прямо в лицо Воронежскому, одновременно бросаясь наперерез.

Родион едва успел дёрнуть головой. Узкое стальное жало со свистом чиркнуло по тулье шляпы, сбив её на пол. Капитан нажал на спуск «Смит-Вессона». Желтая вспышка дымного пороха на секунду озарила комнату, пуля разнесла в мелкие брызги стоящий на комодe хрустальный графин, но Кортленд уже ушёл с линии огня.

Многотонным тараном британец врезался в Воронежского, сбивая его с ног. Револьвер вылетел из руки капитана, со звоном улетев под кровать.

Два тела сплелись в яростной рукопашной схватке. Они покатались по дорожному паркету, круша на своем пути журнальный столик, стулья и топча пролитое по ковру отравленное шампанское. Это не был честный бокс, это была «матросская драка» на уничтожение.

Кортленд, чье лицо было залито потом, действовал профессионально с ледяным хладнокровием. Он навалился сверху, вдавливая свои пальцы прямо в горло Воронежского, пытаясь перекрыть тому кислород. Родиону нечем было дышать, перед глазами поплыли багровые круги, а в ушах зашумело.

«Плевна... Геок-Тепе... Скобелев... Воронцов...» – обрывками мыслей вспыхнуло в затухающем мозгу капитана. Умирать здесь, в номерах на Петровке, он не имел права.

Собрав последние силы, Воронежский резко выгнул спину мостом и с силой ударил британца лбом прямо в переносицу. Раздался сухой, мерзкий хруст ломающегося хряща. Кортленд вскрикнул по-английски, его хватка на горле Родиона на секунду ослабла. Капитан мгновенно освободил правую руку и наотмашь, со всей яростью, впечатал кулак в бровь ликвидатора.

Кровь хлынула из рассечения Кортленда, мгновенно заливая ему левый глаз. Британец зарычал от боли и слепоты, теряя равновесие.

Воронецкий перехватил инициативу, подмял англичанина под себя и попытался вырвать папку, которую тот до сих пор судорожно сжимал локтем. Ткань папки затрещала, георгиевская лента порвалась. Несколько листов «Индийского плана», исписанных аккуратным почерком Воронежского, вывалились на пол, мгновенно пропитавшись вином из разбитого бокала.

Кортленд понял, что время упущено, а в дверях уже стоял унтер Сухов с обнаженным тесаком. Британский «Призрак» принял единственное верное решение. Из последних сил он резко оттолкнул Воронежского ногами в живот, вскочил на подоконник открытого окна, вынося головой и плечом хлипкую деревянную раму, и сиганул вниз, прямо в ревущую московскую грозу, на крышу стоявшей в Столешниковом переулке закрытой пролётки.

Воронецкий, шатаясь и хватаясь за травмированное горло, подполз к окну. Снизу донёсся истошный крик кучера, свист кнута и яростный цокот копыт по размокшей булыжной мостовой. Пролётка на полной скорости уносилась в сторону Большой Дмитровки, увозя раненого, но живого ликвидатора Уайтхолла.

Капитан медленно опустился на колени у подоконника. Его рвало желчью от удушья, из носа капала кровь. Он повернул голову. На полу, среди осколков хрусталя и луж отравленного вина, лежала заветная папка, из которой сиротливо торчали карты Памира. Оригинал «Индийского плана» остался в России. Но цена за эту бумагу была непомерно, страшно велика. На диване, устремив стекленеющий взгляд в потолок, лежал мертвый «Белый генерал».

Капитан Воронежский поднялся с колен, опираясь на подоконник. Каждый вдох давался с хрипом, разодранное Кортлендом горло горело. Шатаясь, Родион подошел к дивану, на котором замерло тело генерала Скобелева.

В комнате воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь глухими рыданиями Шарлотты под трюмо и шумом дождя за разбитым окном. Унтер Сухов, тяжело дыша, опустил тесак и снял картуз, не смея поднять глаз на покойного командира.

Воронецкий опустился на одно колено прямо в лужу пролитого вина. Его израненные, покрытые шрамами пальцы коснулись плотного картона. Он бережно, словно святыню, подобрал с пола разорванную папку. Из неё едва не вывалились исписанные листы того самого «Индийского плана», за которым охотился весь Уайтхолл.

Этот документ больше не был просто аналитической запиской для царя. Теперь это был завещанный долг, скрепленный смертью.

Капитан прижал план к груди, пряча его под подкладку мокрого, разорванного на Хитровке фрака. Он поднял взгляд на Скобелева. Лицо генерала в полумраке казалось высеченным из мрамора.

– Мы спасли его, Михаил Дмитриевич... – тихо, едва слышным шёпотом произнёс Воронежский. – План остался в России. Даю вам слово дворянина, что государь увидит эти бумаги.

Воронецкий резко выпрямился и повернулся к Сухову. Глаза капитана снова превратились в две холодные, стальные щелки контрразведчика. Жалость и скорбь умерли, уступив место леденящей исполнительной ярости.

– Сухов, остаешься здесь. Запри двери. Никого из коридорных и местной полиции не пускать, пока я не вернусь. Шарлотту стеречь как зеницу ока. Она наш главный свидетель.

– А вы куда, ваше благородие? – унтер встревоженно посмотрел на окровавленное лицо капитана.

Воронецкий подобрал с пола свою сбитую шляпу и нащупал под кроватью рукоять «Смит-Вессона», возвращая его в карман.

– На Николаевский вокзал, Сухов. Кортленд ранен, его левый глаз залит кровью. В Москве ему прятаться негде, все его явки на Хитровке мы вскрыли. Прямо сейчас он мчится

к утреннему курьерскому поезду на Санкт-Петербург, чтобы уйти на Балтику. Я догоню эту британскую тварь. Даже если мне придется перевернуть весь перрон.

Воронецкий развернулся и стремительным шагом вышел из разгромленного номера, оставляя позади роковую «Англию». Впереди была финальная охота в грозовой Москве.

25 июня 1882 года. Москва. Площадь Николаевского вокзала. Около четырех часов утра.

Предрасветное небо над Каланчёвским полем налилось тяжёлым свинцовым цветом. Ливень, терзавший Москву всю ночь, превратился в мелкую, секущую водяную пыль. Грязные потоки воды бурлили в сточных канавах, размывая булыжную мостовую площади.

Пролётка остановилась у самого входа в пассажирский терминал. Капитан выскочил из её дверей, едва не упав на скользком деревянном настиле. На нем больше не было фрака. Он сбросил его еще в карете, оставшись в мокрой насквозь жилетке и грязной рубахе. Правая рука капитана, покрытая шрамами от азиатских ожогов, судорожно сжимала серебряный набалдашник тяжелой трости. Опухшее после удушения горло хрипело, а каждый шаг отзывался тупой болью в ребрах. Но Воронежский не чувствовал боли. Его вёл чистый, рафинированный адреналин охотника.

В залах вокзала стоял привычный привокзальный гул, смешанный с запахом махорки, мокрых шинелей и дешёвых пирогов. Пассажиры утреннего курьерского поезда на Санкт-Петербург, лениво двигались к выходу на платформу.

Воронецкий пробивался сквозь толпу как ледокол. Его лицо в потеках засохшей крови, разорванный ворот рубахи и дикий взгляд, заставлял редких вокзальных жандармов пятиться назад. Капитан сканировал толпу. Он искал человека, который двигался слишком быстро. Человека, который прятал лицо.

И он увидел его на самом выходе к поездам.

Высокий мужчина в длинном дорожном плаще с глубоким капюшоном быстро шёл в сторону стоящего у перрона состава первого класса. Он слегка прихрамывал на правую ногу, а левую сторону лица закрывал повязанный поверх головы плотный шелковый шарф. Кортленд пытался скрыть разбитую Воронежским бровь и сломанный нос. В правой руке, лишенной привычной жёлтой перчатки, британец сжимал кожаный саквояж, в котором лежали подложные документы.

– Кортленд! – хрипло, сорванным голосом крикнул Воронежский, вскидывая трость.

Британец вздрогнул и резко обернулся. Из-под складок мокрого шарфа на Родиона глянул один единственный серый глаз, полный дикого, звериного удивления. Кортленд не мог поверить, что русский жандарм оправился после удушения так быстро и нагнал его на самом краю спасения.

Ликвидатор Уайтхолла не стал испытывать судьбу. Он рванулся вперёд, расталкивая сонных носильщиков с баулами, и прыгнул на подножку уже тронувшегося вагона первого класса. Поезд, издав глухой, зловещий гудок, медленно покатился вдоль перрона, набирая ход.

– Назад! Расступись! – Воронежский сделал пять огромных прыжков, пролетая мимо ошарашенных проводников.

Он настиг вагон Кортленда в самом конце платформы, когда состав уже выходил из-под навеса вокзала под утренний дождь. Капитан совершил отчаянный прыжок и мёртвой хваткой вцепился в железные поручни хвостового тамбура. Его ноги поволокло по мокрым доскам перрона, но Родион удержался. Подтянувшись на израненных руках, он взлетел на железную площадку.

Дверь тамбура была заперта изнутри. Через мутное стекло Воронежский увидел лицо Кортленда. Британский агент стоял в узком коридоре вагона, тяжело дыша. Его плащ был рас-

пахнут. Понимая, что русский капитан не отстанет, Кортленд залез рукой во внутренний карман, вытащил небольшой предмет и со всей силы швырнул его в стекло двери.

Стеклянная панель с треском разлетелась на сотни мелких брызг. Но Кортленд не стрелял. На железный пол тамбура, прямо к ногам Воронежского, со звоном выкатился тяжелый предмет.

Поезд резко дернулся на стрелке, входя в крутой поворот. Сильнейший толчок швырнул Воронежского на колени. Когда через секунду он поднял голову и выбил остатки стекла, коридор вагона был пуст. Кортленд ушёл вглубь состава, где среди высокопоставленных пассажиров первого класса и иностранных дипломатов контрразведчик не имел права устраивать бойню без официального ордера. Поезд уносил Призрака на Балтику, к английскому броненосцу, который уже ждал его в нейтральных водах Кронштадта.

Воронецкий тяжело опустился на колени на мокрую железную площадку конечной площадки поезда. Поезд уходил, стуча колесами на стыках рельсов, растворяясь в сером мареве подмосковных лесов. Капитан упустил исполнителя. Физически Кортленд переиграл его на этой стрелке.

Родион опустил взгляд вниз. У его правого сапога, поблескивая в скудных лучах утреннего рассвета, лежал тот самый предмет, который Кортленд швырнул перед уходом.

Это был тяжелый золотой перстень-печатка с вырезанным на полудрагоценном камне старинным гербом. Гербом рода Воронцовых-Вельяминовых.

Кортленд сбросил балласт. Убегая, британский ликвидатор хладнокровно избавился от улики, которая связывала его с петербургским нанимателем. Это был как прощальный подарок «Призрака». Кость, брошенная русской ищейке, чтобы та переключила свое внимание на внутреннюю контрразведку.

Воронецкий медленно поднял тяжелое золото с пола. Его пальцы, покрытые шрамами, крепко сжались. Он спрятал перстень в карман жилета рядом с отцовскими часами.

У него не было Кортленда. Но в его руках была улика, указывающая на личность заказчика. Настоящая голова гидры сидела не в Лондоне. Она сидела на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге. Капитан медленно поднялся, держась за перила площадки. Охота на исполнителя была окончена. Начинался финальный акт возмездия.

Июль 1882 года. Санкт-Петербург. Набережная реки Мойки. Третий час ночи.

Середина лета выдалась сырой и холодной. Над тёмной, маслянистой гладью Мойки стлался удушливый, плотный туман, скрадывавший очертания мостов и гранитных набережных. Редкие капли дождя разбивались о стёкла массивных окон роскошного особняка графа Воронцова-Вельяминова.

В кабинете товарища министра иностранных дел царила леденящая тишина. Лишь мерно и тихо потрескивали дрова в камине. Граф Воронцов сидел в своём глубоком кожаном кресле. На нём был безупречный домашний шелковый халат английского покроя. В тонких пальцах с идеальным маникюром он держал свежий, ещё пахнущий типографской краской выпуск газеты «Правительственный вестник». На первой полосе в чёрной траурной рамке красовался портрет Михаила Скобелева. Крупный заголовок гласил: «Внезапная кончина национального героя от паралича сердца».

Воронцов медленно откинулся на спинку кресла и сделал глоток остывшего чая. Его породистое лицо с аккуратной бородкой-эспаньолкой выражало абсолютное, леденящее спокойствие циника. Задача была выполнена. Британский флот не войдет в Балтику, Кронштадт не будет заблокирован, а миллионы русских солдат не погибнут в чужих азиатских песках из-за амбиций одного возомнившего себя Бонапартом солдафона. Империя была спасена. Цена в одну человеческую жизнь казалась графу ничтожно малой.

Вдруг тяжелая дубовая дверь кабинета тихо, почти беззвучно скрипнула.

Воронцов нахмурился, не оборачиваясь. Он не вызывал слуг и терпеть не мог, когда нарушали его ночной покой.

– Я же просил не беспокоить меня до утра, – вкрадчиво, с привычным аристократическим пренебрежением произнес граф.

– Ваши слуги спят, граф. И больше вам никто не поможет, – раздался от двери тихий голос, от которого веяло ледяным холодом.

Воронцов резко обернулся, его рука инстинктивно дернулась к серебряному колокольчику на столе.

В тени у дверного проема стоял капитан Воронежский. Его дорожное пальто было насквозь пропитано питерским дождем, с полей фетровой шляпы стекала грязная вода, а лицо казалось каменной маской мертвеца. Шея капитана была туго перемотана чистой белой повязкой, скрывавшей следы пальцев Кортленда, а под глазами залегли чёрные тени от многодневной бессонницы. Но его серые глаза горели тем самым пугающим, стальным блеском, который Воронцов видел только на портретах боевых офицеров.

– Вы... – Воронцов медленно убрал руку от колокольчика, восстанавливая самообладание и поправляя золотое пенсне. – Капитан Воронежский. Кажется, вам было высочайше рекомендовано оставаться в Москве. Вторжение в мой дом грозит трибуналом, капитан. Вы понимаете, кто перед вами?

– Я слишком хорошо знаю, кто передо мной, граф, – Воронежский сделал три медленных шага вперед. Тяжелая трость со стальным сердечником сухо стукнула о паркет. – Передо мной сидит Иуда. Человек, который продал лучшего генерала империи, координировал действия британского ликвидатора и ударил собственную армию в спину.

Капитан подошёл вплотную к массивному столу. Медленным, подчеркнуто бережным движением он залез под подкладку мокрого сюртука и вытащил плотную, разорванную картонную папку, перевязанную георгиевской лентой. Документ со стуком лег на полированное дерево прямо перед Воронцовым.

– Оригинал «Индийского плана». Он остался в России, – тихо произнес Воронежский. – Через два часа этот документ ляжет лично на стол императору Александру III через его верного адъютанта, минуя ваш предательский МИД. Игра Кортленда сорвана.

Воронцов даже не взглянул на бумаги. Он лениво откинулся на спинку кресла, и на его губах появилась презрительная усмешка уставшего от жизни grossмейстера.

– Вы идеалист, Воронежский. Глупый, окопный идеалист, – вкрадчиво произнес граф, глядя на контрразведчика сквозь стекла пенсне. – Вы судите о мире категориями полковой чести. А я сужу категориями выживания государства. Скобелев был пороховой бочкой с зажжённым фитилем. Его парижские речи едва не подожгли Балканы. Наш флот сгнил бы в портах под ударами британских броненосцев, а казна опустела бы за месяц. Я спас миллионы жизней русских солдат, пожертвовав одной. Моя совесть абсолютно чиста. И закон на моей стороне. У вас нет против меня ничего, кроме ваших жандармских догадок. Царь никогда не поверит какому-то капитану из Туркестана.

– Догадок? – Воронежский тонко, зловеще улыбнулся.

Он запустил левую руку в карман жилета и вытащил тяжелый золотой предмет. С тихим металлическим звоном на стол, прямо поверх карт Памира, покатился перстень-печатка с фамильным гербом Воронцовых-Вельяминовых.

Граф мгновенно осекся. Его холёное лицо вытянулось, а пальцы, сжимавшие фарфоровую чашку, задрожали так сильно, что чай выплеснулся на скатерть. Он узнал свою печатьку, которую передал Кортленду в качестве абсолютного мандата доверия.

– Кортленд ушел, – Воронежский наклонился над столом, так что Воронцов почувствовал запах махорки, речной сырости и пороховой гари, вьёвшийся в одежду жандарма. – Ушел на

английском корабле. Но перед уходом он хладнокровно выкинул эту вещь мне под ноги, как балласт. Он сдал вас, граф. Британцы не прощают ошибок своим марионеткам.

Воронцов молчал. Впервые за всю свою блистательную карьеру он не знал, что сказать. Его ледяная уверенность в собственной безнаказанности рассыпалась в прах.

– Вы правы в одном, – продолжил Воронецкий, и его голос опустился до леденящего шепота. – Официального суда над вами не будет. Государь примет «Индийский план», но смерть генерала Скобелева останется «естественной», чтобы не позорить имя империи на весь мир. Вы сохраните своё кресло, свои ордена и свой веджвудский фарфор. Но отныне, граф... игра меняется.

Капитан бережно забрал папку с документами со стола, и положил золотую печатку обратно себе в карман.

– Каждый ваш шаг, каждое ваше зашифрованное письмо, каждый визит к английскому послу будут под моим личным прицелом. Я заставил ваших московских жандармов дрожать, и я заставлю дрожать вас. Вы победили в Кронштадте и на Петровке. Но наша Большая игра только начинается. И поверьте, я умею играть в долгую.

Воронецкий резко повернулся и стремительным, бесшумным шагом вышел из кабинета, растворившись в полумраке коридора.

Граф Воронцов-Вельяминов остался один. За окном, в густом балтийском тумане, послышался пронзительный, зловеющий гудок уходящего в море корабля. Граф посмотрел на то место, где минуту назад лежала главная улика его предательства и впервые в жизни почувствовал, как к его горлу подступает леденящий, настоящий страх. Капкан заговора захлопнулся, но ищейка уже встала на его след.